

КОНФЕРЕНЦИЯ

ИНДИЯ: ОТ БРИТАНСКОЙ КОЛОНИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЕ

ТЕЗИСЫ

(в алфавитном порядке)

Abhijeet Singh

India`s Foreign Policy, Changing Dynamics, Challenges and Achievements

India finds itself in an increasingly changing and an ever evolving world system, one having trouble with converging on different platforms, having economic woes and a world which is fragmented in terms of policies and approaches to common problems. The aim is to move ahead with partner nations in different projects, which displays the aspirations of the nations involved and leads to a global scale development. India as a country, throughout history, has performed greatly when well connected globally. Since the ancient times the nation has acted as an important trading, economic and knowledge hub for others and in fact, it has been in India`s culture to seek a global family throughout its existence. This has been expounded through a much discussed and appraised concept of “Vasudhaiva Kutumbkam” which means ‘The world is a family’. Since 1947, it has been India`s priority to uplift itself politically, economically and diplomatically and much has been achieved in a span of seven and half decades of time. The outcomes of our foreign policy are vivid and effective implementations in real time, be it ‘Look East’, ‘Act East’ or ‘Neighbour First Policy’ in East Asian and South Asian region or an active engagement at a more broader level like BRICS or being a member of G20. While much has been achieved there are areas that present a challenge, much of which is found in the immediate neighbourhood, which still remain to be addressed effectively. Any nation`s foreign policy is defined by the goals that it seeks to achieve and India`s goal of multi-faceted development and to create an efficient environment for effective dialogue and diplomacy rather than confrontation and hostility is proving itself as a path-breaking

endeavour with each passing day. In recent times, India emerged as a saviour of the world in the face of the biggest pandemic in the recorded history. The Indian initiative of 'Vaccine Maitri', an attempt to provide COVID vaccine to the countries either at a discounted rate or free of cost was hailed internationally. The past years have witnessed a very active diplomatic engagement by India as a part of its foreign policy on all fronts- Sustainable development, Renewable resource projects (India is a founding member of International Solar Alliance) and others. One of the major achievements of the foreign policy in the recent years has been a tacit ability to deal with different partners on a different plane i.e an unsaid convention of de-hyphenation is developed. The Indian foreign policy is ever evolving according to the need of the hour. The paper will broadly discuss the recalibration of India's foreign policy choices in the changing geopolitical landscape of the 21st century.

Archana Upadhyay

War in Ukraine and the Global South: Decoding India's Foreign Policy stance

It is beyond doubt that the outcome of the war in Ukraine will shape the contours of a new world order. This conflict will redefine the global world order just as World War I, World War II, the Cold War and the end of the Cold War did. A new iron curtain seems to be descending across the world that is already being described as a divide between 'democracies and autocracies'. It goes without saying that in the world of realpolitik the only thing that is permanent are 'interests' underpinned by the innate flexibility of nation states to respond to the swift pace of events and circumstances. India and several other countries of the global South face geo-strategic pressures as they calibrate their positions in regard to the ongoing war in Ukraine. The moot question, therefore is: Where does India's national interest lie on the Ukrainian question? Clearly, it is on the side of peace. India has reiterated in every forum that there will be no winning side in this conflict and only a negotiated peace settlement can offer a lasting solution. The Indian stance of neutrality, marked by abstentions during voting in the UN Security Council and also on other UN resolutions that condemned Russia as an aggressor state, has drawn international attention. There has been a series of high profile visits of Western leaders to New Delhi as efforts are still on to convince India to shift position and be on the "right side of history". Indian strategic thinkers believe that in a largely unsettled, non- normative unstable multipolar world, India needs to focus on domestic growth. Maintaining strategic neutrality is a means to that end. Besides, there are larger questions that need to be seriously addressed. The double standard in implementing human rights and selectively calling out only some wars as 'wars of aggression' not only results in the delegitimisation of multilateral institutions but also creates an eco-system that fuels insecurities for all. Forging an international coalition against Russia will give credence to the vision of a renewed unipolar world that is reluctant to tolerate neutrality, non-alignment or strategic autonomy. This is something that India finds extremely problematic. The contradictions and double standards of moral grounds where normative principles of human rights coincide with geo-strategic interests are too glaring to be ignored. The Colour revolutions, the US/NATO interventions and bombings in Iraq, Lebanon, Libya, Yemen, Afghanistan in the last 20 years are a few examples. Significantly, unlike the Central East European countries, the countries in the Global South do not see Russia as a threat or as a former colonial and racist power. If the current war is indeed between 'democracies and autocracies' and if it is about saving democracy and human rights, then international bodies like the UN and its Security Council should be democratised without further delay. And refugees from all countries should be treated with respect and without any element of racism. When it comes to security, there is no alternative to common and collaborative security, which also has to be inclusive.

This paper will broadly focus upon the ongoing debate about India's foreign policy stance in regard to the war in Ukraine and the larger issues that have emerged out of it.

АКИМОВ А.В.

Итоги 75 лет экономического развития Индии. Сравнение макроэкономических показателей Индии, Великобритании и КНР.

За годы независимости индийская экономика прошла большой путь развития, поставивший современную Индию в ряд крупнейших мировых экономик. Ниже представлены сравнительные данные по наиболее представительным макроэкономическим показателям по Индии, Великобритании и КНР. Сравнение показывает успехи Индии, опередившей бывшую метрополию – Великобританию по большинству показателей.

Таблица 1. Сравнение показателей экономического развития Индии, Великобритании и КНР в последние годы по имеющимся данным

	Индия	Великобритания	КНР
ВВП в текущих ценах, млрд. \$, 2020 г.	2660	2760	14723
Производство стали, млн. т, 2019	111	7	996
Стоимость, добавленная обработкой в обрабатывающей промышленности, млрд. \$, 2020 г.	348	240	3854
Производство автомобилей всех типов за 1-3 кв. 2021 г., 1000 шт.	3290	708	18243
Число компьютерных программистов в 2017 г., млн. чел.	2,75	0,8	5,79

Вместе с тем, сравнение с КНР показывает, что успехи могли быть и больше. Китай также прошел длинный путь развития, имея изначально бедное население, превышавшее население Индии.

В настоящее время Индия имеет устоявшуюся модель экономического роста, ориентированную на опору на внутренние источники развития и технологическую самодостаточность. Темпы роста индийской экономики стабильно высоки.

Дальнейшие успехи экономики Индии зависят от устойчивости курса избранной экономической политики, но и от внешних факторов, которые могут как ускорить, так и замедлить экономический рост.

Алексеева Н.Н.

Роль Индии в глобальной климатической повестке: от аутсайдера до ведущего игрока

Анализируются факторы, обуславливающие ключевую роль в мировой климатической повестке Индии как крупнейшего источника парниковых газов (углекислый газ, метан, диоксид азота, некоторые углеводороды и др.) По этому показателю Индия (2,5 Гт CO₂-экв.) занимает 3-е место в мире после Китая и США (2021), опережая Россию, Японию и страны Европы. Страна занимает активную позицию в мировом переговорном процессе по климату, проводит активную внутреннюю политику по предотвращению и смягчению последствий климатических изменений. Рассмотрены исторические предпосылки, приведшие к усилению роли эколого-климатической повестки в социально-экономической модернизации Индии. Охарактеризованы ключевые особенности климатической политики Индии на современном этапе, в том числе ее цели в рамках Парижского соглашения по климату (2015). Определяемые на национальном уровне

вклады включают в себя достижение доли неископаемых источников в производстве энергии в 2030 г. в 40 %, снижение углеродоемкости экономики на 30–35 % (по отношению к 2005 г.), увеличение пулов углерода к 2030 г. на 2,5–3 Гт С за счет лесонасаждений и восстановления растительности. Достичь углеродной нейтральности планируется к 2070 г. Эти показатели характеризуют вклад Индии как крупнейшего игрока на мировой арене, они более амбициозны, чем обязательства, взятые на себя Россией. Согласование климатической политики и целей экономического развития с в рамках подхода «сопутствующих выгод» – серьезный вызов для Индии. Охарактеризованы динамика и структура эмиссий парниковых газов за 1990-2020 гг., противоречия развития тепловой энергетики в контексте энергетического перехода. Важнейшая составляющая климатической повестки – стратегии и программы в области адаптации к климатическим изменениям, которые разрабатываются на государственном уровне и на уровне штатов, они сфокусированы на проектах в области устойчивого земле- и водопользования, управления ресурсами всеобщего достояния, горных и прибрежных районов. Показан значимый вклад Индии в сфере развития возобновляемой энергетики в мире, анализируется специфика ее развития в сравнении с Китаем. В соответствии с «Национальной политикой развития электроэнергетики» доля ВИЭ в установленной мощности может достичь уже в 2022 г. 37%. Рассмотрены текущие проблемы, связанные с резким ростом выбросов CO₂ в Индии в 2021 г., которые превысили уровень доковидного 2019 года. Производство электроэнергии на угле достигло рекордного уровня в Индии, поднявшись на 13% по сравнению с уровнем 2020 г. Отчасти это произошло из-за того, что рост возобновляемых источников энергии замедлился до одной трети от среднего показателя, наблюдавшегося за предыдущие пять лет. Чтобы перейти на траекторию выбросов 1,5° С, Индии важно отказаться от старых тепловых электростанций с низким КПД и более высокими выбросами, а также постепенно прекратить наращивание новых угольных мощностей. Хотя перспективы реализации климатической политики Индии в пост-пандемийное время отличаются неопределенностью, ее вклад в выполнение Парижского соглашения становится все более важным.

Белокреницкий В.Я.

Экономическое отставание Пакистана от Индии – некоторые причины и последствия

1. Отставание вытекает из сопоставления ряда макроэкономических показателей, прежде всего, это валовой внутренний продукт и ВВП на душу населения. К ним можно добавить экспорт товаров и услуг. Данные по трем этим (а также ряду близких позиций, таких, например, как валовой национальный доход) несколько отличаются в разных статистических источниках. В докладе использованы материалы последнего издания Азиатского банка развития, где приводится статистика за 2000-2020 гг.

2. Из них следует, что в 2000 г. Пакистан опережал Индию по душевому валовому продукту, рассчитанному в текущих рыночных ценах в местной валюте и переведенному в доллары США (далее- долл.) по среднему за год обменному курсу. Душевой продукт в Индии в 2000 г. равнялся 468, а в Пакистане – 576 долл. К 2010 г. ситуация изменилась: в Пакистане – 1015 долл, а в Индии – 1409, в 2020 г – соответственно 1233 и 1966 долл. Если в 2000 г. ВВП Индии превосходил ВВП Пакистана в 6 раз, то в 2020 г. – более чем в 10 раз, индийский экспорт товаров и услуг в 2000 г. был больше пакистанского в 6.5 раза, а в 2020 г. – в 19 раз (!).

3. Таким образом, отставание выявилось только в последние 20 лет, хотя предпосылки складывались давно. Причем его размеры существенно более высокими темпами увеличивались между 2000 и 2010 гг. по сравнению с последующим периодом.

4. В докладе рассмотрены некоторые причины отставания (коррупционно-олигархическая модель роста в Пакистане, слабость институтов управления и частного организованного сектора, внешние факторы, в том числе афганский, высокий уровень военных расходов государства и низкий – социальных и т.д.).

5. Среди последствий указаны малая заинтересованность Индии в расширении экономических связей с Пакистаном, возможное усиление трансграничного терроризма. Чем слабее Пакистан и сильнее Индия, тем больше теоретически вероятность нового их столкновения, локального (в Кашмире) или более широкого при сдерживающем воздействии фактора ядерного оружия.

Бочковская А.В.

«Изначальная вера» зарегистрированных каст Панджаба: этапы конструирования собственной идентичности

В 1920-х годах на северо-западе Индии в среде низкокастовых сикхов началось движение ад(и)-дхар(а)м – «изначальная вера», одним из основателей и главным идеологом которого стал Мангу Рам Муговалия (1886–1980). В числе его последователей были прежде всего чамары-кожевники, представляющие одну из самых многочисленных неприкасаемых каст Панджаба/Пятиречья. Основной причиной появления «альтернативной» религии стал отход сикхов от эгалитарных традиций, изначально присущих этой религии, и появление внутри нее жестких социокультурных границ.

Процесс конструирования внутренних рамок в сикхизме заметно ускорился с ростом движения Сингх-сабха в 1870-х годах: его участники-сикхи начали выработать множественные критерии, в том числе визуальные, для выявления «своих» и «чужих». *Тат-халса*, или «[самые] истинные» сикхи-халса, стремившиеся следовать всем заветам последнего гуру Гобинда Сингха (1666–1708), особое внимание стали уделять внешней атрибутике сикхизма, а также ключевой роли священного текста Гуру-грантх: по их представлениям, только он мог быть единственным объектом поклонения в храмах-*гурдварах*.

О создании ад-дхарм как религии неприкасаемых было объявлено в 1926 г.; тогда же на свет появилась их первая организация, Ад-дхарм мандал. При проведении всеиндийской переписи в 1931 г. ад-дхарм регистрировалась как самостоятельная религия, но впоследствии понятие «ад-дхарми» в переписях стало означать принадлежность не к религии, а к касте. К середине 1940-х годов движение практически сошло на нет, но возродилось в начале 1970-х; немалую роль в этом сыграла панджабская диаспора. Современный этап истории сообщества связан главным образом с деятельностью Всеиндийской миссии ад-дхарм, главный храм (*ади-двара*) которой находится в панджабской деревне Кхарали, дистрикт Хошиарпур.

На основе материалов полевых исследований, проведенных автором в марте 2022 г. в Панджабе, в докладе анализируются особенности взаимоотношений ад-дхарми с другими сообществами низкокастовых, а также значение священного текста Ади-пракаш-грантх для конструирования собственной идентичности панджабских чамаров. Ставится вопрос о характере и степени вовлеченности государственных структур секулярной Индии в решение религиозно-кастовых конфликтов в стране.

Бычкова А.А.

Манипур на пути от княжества к штату: политическая демография

Манипур, один из 8 штатов северо-востока Индии, занимает площадь 22327 кв. км. Население – 2,855,794 человека.

История княжества Манипур отражена в хрониках, ранние из которых индийские ученые относят к 33 г. н. э. Британцы вышли на политическую арену княжества в конце XVIII в. В 1762 г. губернатор Бенгальского Президентства Гарри Верелст подписал договор с махараджей Манипура. После вторжения Бирмы на территорию княжества в 1819 г. было создано так называемое манипурское ополчение (Manipur Levy), прошедшее обучение под руководством британских офицеров, включавшее пехоту, кавалерию и артиллерию. С 1891 г. княжество существовало под прямым протекторатом Великобритании. В 1949 г. махараджа подписал акт о присоединении к Индийскому союзу. В 1972 году Манипур получил статус штата.

Мы пытаемся рассмотреть некоторые аспекты политической демографии Манипура. Материалом для нашего исследования служат работы британских и индийских авторов, официальные документы и публикации в средствах массовой информации.

Основной этнос Манипура – мейтеи – составляет большинство населения долины, окруженной горами, где обитают горные племена, наиболее многочисленные – нага и куки. В племенных сообществах существуют традиционные представления о демократии, самоуправлении, автономии. В соответствии с переписью населения 2011 г., хинду составляют 41.39 % населения, христиане – 41.29 %, мусульмане – 8,4 %. Перепись населения 2011 г. показала высокий рост населения горных районов, что является потенциальным фактором увеличения количества мест представителей племен в легислатуре штата за счет уменьшения количества мест для мейтеи и, соответственно, вызывает протесты некоторых общественных организаций и политических партий, особенно в связи с требованием присоединить к штату Нагаленд районы Манипура, населенные нага. Одним из сложных вопросов, стоящих на повестке дня, является вопрос об изменении границ (делимитации) выборных округов при выборах в нижнюю палату парламента и законодательное собрание штата, поскольку изменение количества мест в легислатуре путем простых арифметических действий может восприниматься крайне негативно. 23 июля 2018 г. Законодательное собрание приняло Закон о защите граждан (The People's Protection Bill), который определяет категории жителей штата как «манипури» и «не манипури». Категория «Манипури», т.е. полноправный гражданин Манипура, включает мейтеи, манипурских мусульман (Pangal Muslims) и представителей списочных племен, проживавших в Манипуре до 1951 г. Закон вызвал волну протестов со стороны представителей племен.

В 1949 г. Манипур получил статус союзной территории, под эгидой народной партии мира (Praja Shanti Party) было сформировано первое коалиционное правительство. С 1972 по 2017 г. на политической арене штата доминировал ИНК. Период с начала восьмидесятых до 2010 характеризовался ростом сепаратистских движений. Переломным явился 2017 г., когда БДП сформировала коалиционное правительство, получив 21 место в Законодательном собрании штата из 60. На последних выборах 2022 г. БДП получила 32

места из 60. Электорат, видимо, стремится голосовать за партию, которая стоит у власти в центре и успешно применяет мягкую силу.

Ванина Е.Ю.

Независимая Индия и пантеон национальных героев: трансформация в политическом времени

Ни одна государственная идеология не может существовать без пантеона национальных героев, воплощающих не только ценности и добродетели, которыми массовое самосознание наделяет «свой» социум в отличие от «чужого», но и всю концепцию исторического прошлого, призванную служить целям настоящего и будущего. Индийский национализм эпохи освободительного движения не призывал, в отличие от китайского, ирландского, арабского и т.д., к «восстановлению» утраченной вследствие завоевания державы, а выбирал из истории те события и тех персонажей, которые соответствовали проекту строительства будущей Индии – суверенной, секуляристской (в специфическом индийском понимании), демократической, свободной от коммунизма и кастового неравенства. Все же, что противоречило этой модели, игнорировалось или оказывалось под спудом как «нехарактерное». В пантеон национальных героев включались, если речь шла о колониальном периоде, борцы за независимость (при этом, желательны, идеологически близкие правящей партии ИНК, прочие же удостаивались гораздо меньшим почестям или «забывались»). Что касается доколониальной истории, то учебники, романы, публицистика, драматические представления и фильмы воспевали правителей, создававших крупные империи (те, кто выступал против данных империй, превращались в маргинальные фигуры или осуждались за «сепаратизм»), государей, проводивших политику веротерпимости, «великих интеграторов» (поэтов и религиозных проповедников, провозглашавших равную истинность всех религий) и социальных реформаторов, боровшихся против кастового неравенства. Имена всех этих деятелей были широко представлены и в топонимике населенных пунктов.

Эволюция индийского общества, выход на политическую арену новых партий и деградация ИНК привели к неизбежным изменениям в государственной идеологии, концепции исторического прошлого и, неизбежно, в пантеоне национальных героев. Доклад предполагает рассмотреть эту трансформацию на конкретных примерах.

Дерюгина И. В.

75 лет развития Индии в зеркале макроэкономической статистики

Оценивая путь, пройденный Индией со времени обретения независимости, можно говорить о колоссальном сдвиге в макроэкономическом развитии. Отметим главные вехи развития экономики Индии. Во-первых, это – переходный период, или период компенсационного роста, условно длившийся с конца 1940-х до середины 1960-х гг. В этот период были заложены основы экономического развития Индии. Как отмечал О.В. Маляров, в формировании экономической политики Индии лежали три кита: доминирующая роль государства при становлении крупной промышленности, включая разграничение сфер производства между государственным и кооперативным секторами экономики; следование принципам федерализма в социально-экономической политике;

введение системы государственного планирования и создание Плановой комиссии. В результате к рубежу 1960–1970-х гг. в экономике Индии сформировалась импортозамещающая модель развития с опорой на государственный капитализм. Этот период, продолжавшийся до начала 1990-х гг., сменился переходом к экспортоориентированной модели экономического роста. Экономические реформы 1990-х гг. привели к тому, что уже к началу XXI в. Индия вошла в клуб быстроразвивающихся стран. Однако наибольшее внимание стратегии экспортной ориентации было уделено во второй половине 2010-х гг.

Результатом достаточно гибкой смены модели экономического роста стали стабильно высокие ежегодные средние темпы прироста ВВП. Так, в 1950–1970 гг. показатели составили 3,7%, в 1971–1991 гг. – 4,4%, в 1992–2019 гг. – 6,4% (результатом пандемии COVID-19 в 2020 г. стало падение показателя до (-)7,2%). Причем ежегодный темп прироста подушевого ВВП в 1992–2020 г. равнялся 5,2% (по сравнению с 1,8% в 1960–1970 гг.). Следует отметить, что если по ВВП Индия занимает 5 место в мире, то по ВВП на душу населения – 143 место. Такой разрыв частично обусловлен медленной урбанизацией в Индии и большой долей сельского населения с низкими подушевыми доходами, например, доля городского населения с 1950/51 г. до 2020/21 г. увеличилась с 17% до 35%.

Быстрый экономический рост был запущен тем, что в период независимого развития изменилась отраслевая структура экономики Индии. С 1950/51 г. по 2021/22 г. вклад сельского хозяйства в ВВП снизился с 59% до 19%, в то время как доля промышленности возросла с 15% до 28%, а сектора услуг – с 26% до 53%.

Переход к экспортоориентированной модели был связан не только с увеличением экспорта, но и с трансформацией структуры внешней торговли. Так, в период 1995–2020 гг. доля традиционных экспортных товаров Индии сократилась:

- Товары текстильной промышленности – с 30% до 14%;
- Продовольственные товары – с 19% до 13%;
- Драгоценные камни и драгметаллы – с 16% до 9%.

А доля современных высокотехнологичных товаров увеличилась:

- Минеральное топливо – с 1,6% до 17%, причем 14% – переработанные продукты;
- Машино-транспортное оборудование – с 7,5% до 24%;
- Товары химической промышленности – с 8,7% до 21%, из них 7% – фармацевтические товары.

Особенностью Индии на мировом рынке является рост экспорта услуг. За двадцать последних лет экспорт услуг возрос в структуре совокупного экспорта с 28% до 46%. В мировом экспорте услуг на Индию приходится 4,5%, причем наибольшую долю индийского экспорта услуг (более 35%) составляет экспорт ИКТ-услуг. Активное развитие высокотехнологичных отраслей позволило стране занять одно из ведущих мест в мире по индексу внедрения НИОКР. Данный индекс, рассчитанный для Индии, равен 0,79, в то время как для Великобритании – 0,75, а для США – 0,94.

Упомянем о таких достижениях Индии как добыча полезных ископаемых, производство металлов, фармацевтических и продовольственных товаров, по которым страна занимает лидирующие мировые позиции.

Однако 75 лет успешного развития Индии не искоренили (хотя и уменьшили) большого числа социальных проблем: высокой доли бедного и недоедающего населения, неравномерности распределения доходов, аграрного перенаселения, различного уровня развития штатов.

Диаспоральная политика как инструмент «мягкой силы» современной Индии

Представляется, что в современном мире принципиально важным становится рассмотрение различных измерений силы (принуждения, влияния/давления и привлекательности) с позиций их равнозначности. Внешняя политика стран требует гармоничного сочетания «мягких» и «жестких» коннотаций, то есть баланса прямого воздействия и косвенного влияния. Индийский политический эксперт Джасвант Сингх (в прошлом крупный государственный деятель: экс-министр финансов, экс-министр иностранных дел и экс-министр обороны Индии) полагает, что Япония, Китай и Индия открыто вступают в большую игру за статус главной супердержавы Азии. В то же время, хотя мировая пресса продолжает пестрить заголовками на тему сохраняющейся напряженности в японо-китайских отношениях, динамика соотношения сил в Азии в перспективе ближайшего десятилетия, по всей видимости, будет определяться стратегическим противостоянием Китая и Индии, полагает Джасвант Сингх. Это противостояние может перерасти в принятие и реализацию более жесткой стратегии национальной безопасности. Но аналогичным образом можно представить и «битву за сердца людей».

В отношении индийской «мягкой силы» распространены утверждения, соотносящие усиление «мягкого обаяния» Индии последнего десятилетия с самобытностью и яркостью ее культуры, которые *неожиданно* проявили себя в информационную эпоху. Поэтому вряд ли стоит говорить о системной работе в этом направлении: тем более, когда мы начинаем сравнивать Индию с хорошо организованным и централизованно управляемым «прелестным наступлением» Пекина. Подобные оценки все же опускают из виду попытки Индии (и довольно успешные) в течение 2000-х гг. построить национальный бренд «Incredible India» с включением в него политико-культурных компонентов, а также формировать новые институции (отдел по вопросам публичной дипломатии при МИД Индии; отдел по делам зарубежья при МИД Индии) или модернизировать прежние (Индийский совет по культурным отношениям и Индийский совет по международным отношениям при МИД Индии), способные содержательно и организационно работать над усилением своего «мягкого обаяния».

По официальным данным Правительства Индии общее количество индийцев за рубежом составляет не менее 28,5 млн. человек, из них более 17 млн. человек – граждане других стран с индийскими корнями. Являясь второй по численности в мире после китайской, индийская диаспора рассредоточена в 206 странах. К странам с наибольшим количеством мигрантов и экспатриантов индийского происхождения можно отнести США, Саудовскую Аравию, Малайзию, Мьянму, ОАЭ, Великобританию, ЮАР и Канаду. Поэтому немаловажную роль в усилении «мягкого влияния» Индии играет диаспоральная политика. Потенциал индийской диаспоры как источника и проводника индийской «мягкой силы» не менее высок, чем аналогичные возможности хуацяо (китайской диаспоры). Понимая это индийское правительство в 2000 г. учредило Комитет высокого уровня по вопросам индийской диаспоры, который анализирует статус людей индийского происхождения (PIO) и индийцев-нерезидентов (НРИ) в различных странах, изучает сильные и слабые стороны этого сообщества, в целом, формирует диаспоральную политику Индии, разрабатывая стратегию привлечения этих людей к социально-экономическому и технологическому прорыву Индии.

Среди значимых инициатив Индии в области взаимодействия с экспатриантами можно выделить инициативу «Узнай Индию» («Know India»), которая способствовала ориентированию молодежи индийского происхождения от 18 до 26 лет. В 2008 г. была организована служба «Найди свои корни» («Tracing your roots»), в которой большое значение придается онлайн-технологиям, позволяющим экспатриантам находить родственников, проживающих в Индии.

Начиная с 1990-х гг. появляется понятие «новая диаспора», которое включает в себя профессионалов высокого и среднего уровня (профессоров, врачей, программистов, управленцев). Индийская «новая диаспора» в развитых странах считается одной из наиболее успешных. Индийцы неплохо ассимилируются. Но несмотря на выраженную полиэтничность и разбросанность по множеству стран, мобилизационные возможности индийской диаспоры высоки в силу того, что «индийский мир» и его сохранение даже для идеально ассимилировавшихся под политический и экономический уклад новой родины индийцев представляет ценную идею. Отдельные надежды Индия связывает с «новой диаспорой» в США, в том числе в рамках реализации амбициозной программы по модернизации индийской экономики «Make in India». Кроме того, важной задачей Отдела по делам зарубежья МИД Индии также является информирование о достижениях в развитии независимой Индии экспатриантов, их потомков, в целом всех лиц, интересующихся позитивным развитием современной Индии. Ключевой площадкой для этого является совместная с Конфедерацией Индийской промышленности инициатива «Дни индийцев за рубежом» (Pravasi Bharatiya Divas), которая объединяет лучших представителей «новой диаспоры»: ученых, деятелей культуры, бизнесменов, государственных деятелей, экспертов.

Замараева Н.А.

Пакистано-индийские отношения после принятия парламентом Индии Закона о реорганизации Джамму и Кашмира в 2019 г. (2019 – 2022 г.)

Отношения Пакистана и Индии в период (2019 – 2022 г.) являются одними из сложных в истории отношений Пакистана и Индии. Их следует разделить на несколько этапов.

Первый этап. Закон о реорганизации Джамму и Кашмира 2019 г. утвержден парламентским актом Индии. Документ содержит положения о преобразовании находящегося под управлением Индии штата Джамму и Кашмир в две союзные территории, одна из которых получила название *союзная территория Джамму и Кашмир*, а другая – *союзная территория Ладакх*. Указанными территориями будут управлять лейтенант-губернатор и однопалатный законодательный орган.

Законопроект был внесен министром внутренних дел Амитом Шахом в Раджья Сабха верхнюю палату парламента Индии 5 августа 2019 г. и в тот же день одобрен. На следующий день, 6 августа 2019 г., нижняя палата парламента Индии одобрила законопроект (также одобрена резолюция, рекомендующая отмену статуса). Законопроект подписан Президентом 9 августа 2019 г. и вступил в силу 31 октября 2019 г. Напряжение в отношениях между странами усиливалось.

Второй этап. Подписанный в феврале 2021 г. договор положил конец почти ежедневным столкновениям вдоль Линии контроля (ЛК) – фактической границы, разделяющей Джамму и Кашмир между двумя соседями, долго оставался единственным позитивным событием в пакистано-индийских отношениях.

25 февраля 2021 г. в совместном заявлении генеральные директора военных операций Индии и Пакистана договорились о «строгом соблюдении всех соглашений, договоренностей и прекращении огня вдоль Линии контроля и во всех других секторах с

полуночи 24/25 февраля 2021 г.». Подчеркивалось, что Пакистан и Индия не видят ослабления обострившейся вражды между двумя ядерными соседями.

Третий этап. Шехбаз Шариф, избранный в апреле 2022 г. на пост премьер-министра Пакистана, выступает за налаживание связей с Индией; он подчеркивает, что нормализация отношений Индии и Пакистана зависит от разрешения спора о Кашмире. Власти Индии призывали в апреле 2022 г. Исламабад «отказаться от навязчивых идей», считая, что подход Исламабада является неправильным. «Основной проблемой Пакистана, независимо от того, кто является премьер-министром, являются Джамму и Кашмир, остается отсутствие прогресса в других областях (помимо Кашмира)».

В инаугурационной речи Ш.Шарифа, произнесенной после принятия присяги в качестве премьер-министра Пакистана, выражено желание заключить мир с Индией, но в рамках резолюций Совета Безопасности ООН по Кашмиру. Новый глава федерального правительства Пакистана обещал громко осуждать на международном уровне действия Индии в августе 2019 г.

Индия, отвергая Кашмирскую проблему, как основную в отношениях между странами, призывает:

- назначить верховных комиссаров в столицах обеих стран;
- начало «скромной» торговли на погранпереходе через границу Вагах-Аттари представляется достижимым вариантом;
- Пакистан и Индия должны освободить и репатриировать рыбаков другой страны из их тюрем.

Указанные меры, согласно позиции Нью-Дели, направлены на укрепление доверия.

Зенков М.А.

Внешнеторговая политика Индии в XXI веке: роль стратегических факторов

Подход независимой Индии к внешнеторговой политике устойчиво, хотя и в различной степени, характеризовался высокой степенью осторожности в отношении либерализации доступа к своему внутреннему рынку. Несмотря на реформы 1990-х гг., заключение целого ряда соглашений о свободной торговле (ССТ) в период с 1998 г. по 2011 г., участие в создании ВТО, фундаментальной чертой оставалось и остаётся стремление в рамках любой договорённости в данной области сохранить гибкость, которая позволила бы минимизировать ущерб для уязвимых отраслей экономики.

Тем не менее на протяжении 2000-х гг., которые характеризовались особенно высокими темпами роста ВВП, и в начале 2010-х гг. в относительно сжатые сроки были заключены такие крупные ССТ и преференциальные торговые соглашения, как, например, со странами СААРК (2006), МЕРКОСУР (2009), АСЕАН (2010), Южной Кореей (2010) и Японией (2011). Комментируя данные инициативы, некоторые исследователи помещают их в контекст политики “Look East”, утверждая, таким образом, о значимости стратегической, то есть несводимой ко внутренним импульсам, мотивации в их реализации. Отчасти с этим тезисом можно согласиться: благоприятный экономический контекст открывал правительству больше пространства для ведения торговых переговоров, которые могли

рассматриваться в том числе через призму долгосрочного роста конкурентоспособности национальных производителей, а также с точки зрения укрепления политических связей с Юго-Восточной и Восточной Азией.

Период, начиная с 2013 г., когда были прекращены переговоры о подписании ССТ с Европейским союзом, может быть охарактеризован как более «оборонительный» с точки зрения отсутствия новых крупных соглашений. Увеличение дефицита торгового баланса Индии в рамках заключенных ССТ поставило вопрос об эффективности данных механизмов и заставило правительство вести ещё более интенсивную и длительную работу по согласованию своих переговорных позиций с различными отраслевыми группами интересов. Снижение темпов роста ВВП во второй половине 2010-х гг. сделало повестку либерализации внешней торговли ещё менее привлекательной и трудной для продвижения с точки зрения сопряжённых политических издержек. Кульминацией данной фазы стал выход Индии из переговоров по Всестороннему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП) в ноябре 2019 г. Решение, принятое после напряженной общественной дискуссии, аграрных протестов и протекционистских призывов ряда отраслевых фракций крупного капитала, подчеркнуло маргинальность стратегических соображений при формировании торговой политики страны и отчётливую приоритетность внутренних факторов.

Последующие события и процессы, однако, позволяют выдвинуть гипотезу о начале новой фазы в развитии внешнеторговой политики Индии, с повышением веса стратегической составляющей в ней. 2021 г. был отмечен общей активизацией торговой дипломатии, при этом показателен набор партнёров, находящихся в фокусе внимания: были возобновлены переговоры об ССТ с ЕС и Великобританией, анонсированы совместные с Японией инициативы по перестройке цепочек поставок (в связи со стремлением снизить зависимость от Китая). В феврале и марте 2022 г. подписаны ССТ с Австралией (первое за десять лет со страной ОЭСР) и соглашение о всестороннем экономическом партнёрстве с ОАЭ. В то же время в 2020 г. Индия на площадке ВТО впервые подвергла критике сохранение преференциального режима торговли для Китая, с которым ранее часто выступала единым фронтом в рамках организации. Также приостановлена работа межправительственных комиссий по экономическому сотрудничеству.

В рамках доклада будет проанализирована динамика роли стратегических факторов в формировании внешнеторговой политики Индии и её торговой дипломатии с начала XXI века по настоящий момент. Будут сделаны предварительные выводы о происходящих в них сдвигах, соотношении изменений и преемственности и сформулированы прогнозы относительно направлений их эволюции.

Зарипова Л.Р.

Особенности местного самоуправления в штате Трипура

Современная Индия – многонациональное государство. Сложность её этнической ситуации определяется не столько лингвистическим многообразием, сколько разнотипностью этнических общностей, различиями в уровнях их культурного развития и отсутствием доминирующего этноса. Укрепление национально-государственного единства занимает важное место в политической жизни независимой Индии.

Одним из ярких примеров политики, проводимой правительством Индии в сфере национальных отношений, является развитие органов местного самоуправления в штате Трипура. 26 марта 1979 г. Легислатура единогласно приняла Закон о создании *Совета автономного дистрикта племенных районов Трипуры (ТТААДС)*. Сегодня в его ведении находится 68% территории штата, на которой проживает чуть более одного миллиона

представителей зарегистрированных племен Трипуры (87,5% от общего числа *адиваси* штата). В соответствии с Шестым приложением Совет имеет законодательные, исполнительные и судебные полномочия.

Таким образом, в Трипуре параллельно с Легислатурой, правительством штата и панчаятами существуют специальные органы управления для племенных районов, которые по закону не обязаны подчиняться общештатовским властям. А.А. Празаускас позитивно оценивал создание автономного дистрикта в рамках местного самоуправления, рассматривая это как компромиссное решение, которое в будущем поможет племенам Трипуры добиться большей автономии. Спустя четыре десятилетия можно подвести некоторые итоги и дать оценку подобной политике.

Захаров А.И.

Основные приоритеты участия Индии в Quad

Четырехстороннее объединение Австралии, Индии, США и Японии привлекает все большее внимание экспертов и обозревателей на фоне регулярного проведения саммитов лидеров и министров иностранных дел и укрепления двусторонних отношений стран-участниц.

Временем зарождения Quad принято считать конец 2004 года, когда четыре государства по инициативе президента США Дж.Буша-мл. создали региональную коалицию для координации усилий по оказанию содействия пострадавшим в результате разрушительного цунами прибрежным государствам Индоокеанского региона. Военно-морское и дипломатическое взаимодействие стран продлилось недолго: в начале 2008 г. из-за нежелания портить отношения с Китаем правительство Австралии объявило о выходе из четырехстороннего диалога.

Возрождение Quad произошло в ноябре 2017 года, когда официальные представители четырех стран провели консультации на полях Восточноазиатского саммита в Маниле.

Значительную роль в развитии формата Quad сыграли изменения в отношениях Китая с каждым из государств «четверки». Активизация участия Индии в многосторонних механизмах в Индо-Тихоокеанском регионе стала одним из последствий противостояния индийских и китайских войск в Гималаях, начавшегося весной-летом 2020 г. Если ранее звучащая со стороны китайских официальных лиц критика в отношении формата Quad оказывала воздействие на его участников, прежде всего Австралию и Индию, то ухудшение отношений этих стран с КНР привело к эволюции Quad: переходу от диалогового формата к объединению четырех стран. Изменение позиции Индии сыграло в этом процессе решающую роль.

На современном этапе можно отметить разнонаправленные тенденции развития Quad. С одной стороны, заметно резкое увеличение интенсивности дипломатического взаимодействия и расширение сфер сотрудничества. С другой стороны, происходит отход повестки «четверки» от вопросов региональной безопасности, составлявших основу их взаимодействия с момента возрождения объединения в 2017 г., в сторону вопросов экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества.

Институционализация формата Quad показала готовность Индии к более системному встраиванию в повестку США и их союзников в рамках американо-китайского противостояния, охватывающего не только военно-политические аспекты, но и сферу экономики и технологий. Тем не менее Индия сохраняет приверженность

основополагающим принципам ведения внешней политики, проводит курс «многостороннего присоединения» (multi-alignment policy) и стремится избежать превращения Quad в военный блок.

Игнатов В. А.

Индигенизация ВПК Индии 2016-2022: проблемы, успехи, перспективы

Вскоре после обретения Индией независимости в 1948 г. правительством Индии была задана амбициозная цель создания собственного военно-промышленного комплекса. Для реализации этой задачи было образовано три параллельных структуры, которые затем, в 1958 г., слились в одну – DRDO (Организация оборонных исследований и разработок). Сегодня Индия – не только второй крупнейший импортер вооружений в мире, но и держава, претендующая на статус крупнейшего экспортера на рынке ВПК. Правительство ожидает, что к 2025 г. страна войдет в топ-5 экспортеров вооружений. Амбициозные планы правительства подтверждаются тем, что в 2021 г. DRDO опубликовало список из 150 продуктов, одобренных для экспорта вооружений, многие из которых были продемонстрированы ранее на крупнейших выставках вооружений, где вызвали интерес ряда держав. Все это свидетельствует о том, что Индия уже выходит на рынок оборонного экспорта. Ключевую роль в данном процессе играет объявленная Нарендрой Модии в 2016 г. программа "Make in India", которая свидетельствует о всевозрастающей индигенизации индийского оборонно-промышленного комплекса.

За почти десятилетие нахождения у власти Нарендра Модии объявил не одну громкую компанию национального масштаба: «Чистая Индия» начата в 2014 г., «Делай в Индии» с 2016 г., «Самодостаточная Индия» с 2020 г. Хотя не следует упускать из внимания, что данные компании, во многом, являются грамотным внутреполитическим ходом, способствуя укреплению имиджа премьер-министра как «лидера большинства», программа «Делай в Индии» является существенным шагом для страны, учитывая, что не так давно ее ОПК практически полностью зависел от зарубежных поставок. Серьезность намерений правительства подчеркивает и опубликованный DRDO список из 101 продукта, которые будут закупаться исключительно у индийских производителей.

Следует также принимать во внимание факт геополитического соперничества Индии и Китая, в рамках которого Индия часто предпринимает попытки «догнать и обогнать» своего восточного соседа. В отдельных случаях, Индия даже действует с оглядкой на Китай, перенимая его опыт, как это происходит сейчас в области ВПК: в 1990-е гг. Китай был одним из крупнейших импортеров оружия, но не являлся значимым экспортером (как Индия на данный момент); к 2015 г. руководству КНР удалось вдвое нарастить экспортные поставки в области вооружения, а импорт был снижен на четверть.

На момент объявления программы доля собственного производства составляла 15% от ВВП страны, в то время как целью-минимум была объявлена доля в 25%. Кроме того, Индия всячески поощряет иностранные инвестиции – на данный момент страна находится в лидирующей тройке наиболее успешных в области привлечения инвестиций стран (по данным ЮНКТАД), а ВВП страны ежегодно растет на 7%. Однако наибольший интерес для

нас представляет реализация программы «Делай в Индии» в рамках военно-промышленного комплекса страны. Во-первых, потому что именно данное направление было названо Моди приоритетным; во-вторых, поскольку Индия является основным импортером российских вооружений, и значительное сокращение внешних закупок вооружений в пользу внутреннего производителя способно негативно сказаться на данном аспекте, в связи с чем необходимо понимать реальные масштабы и перспективы индигенизации ВПК Индии.

Проведенное исследование, целью которого являлось подведение промежуточных итогов индигенизации военно-промышленного комплекса Индии, определение темпов данного процесса и критическая оценка перспектив, показало, что с момента объявления программы «Делай в Индии» в 2016 г. индийскому ВПК хотя и удалось сократить зависимость от иностранных комплектующих и вооружений, в основном данный эффект был достигнут за счет релокации производств в Индию и приобретения индийской стороной лицензий на тот или иной оборонный продукт. Пускай данный шаг и обеспечил значительный приток инвестиций в экономику страны, ее военно-промышленный комплекс по-прежнему является в существенной степени зависимым, а продукция, предлагаемая DRDO к экспорту и позиционируемая как высококонкурентная, далека от идеала и не вызывает значительной заинтересованности у потенциальных покупателей.

Иконникова Т.Д.

Осмысление «мрачного периода» 1975-1977 гг. в хиндиязычной литературе (на примере романа Н. Вармы «Ночной репортёр»)

Отображение режима всеобщего чрезвычайного положения 1975-1977 гг. в современной хиндиязычной поэзии и прозе представляет собой важный аспект реакции индийского общества на антидемократические тенденции 1970-х годов. Интерес мастеров художественного слова к этому периоду продиктован как поисками ответов на «замолчанные» вопросы тех лет, так и сложившейся в обществе полемикой вокруг института демократии – одного из столпов индийской государственности. В литературе, посвященной тому времени, нередко затрагивается вопрос: какова вероятность того, что Индия вновь не впадёт в пучину авторитаризма?

Авторы обращаются к сюжету «мрачного периода» не только для создания исторического фона художественного произведения или выстраивания его композиции. Воспроизведение атмосферы 1975-1977 гг. в литературе – это неофициальный вид историописания, альтернативный взгляд на события, изложенные в учебниках по истории. Мир художественного слова апеллирует не к строгому освещению фактов, а к чувствам и эмоциям читателя.

Одним из самых известных произведений на хинди, запечатлевших на своих страницах происходившее в середине 1970-х годов, является роман «Ночной репортёр» (*Rāt kā rīportar*), написанный Нирмалом Вармой в 1989 г. в жанре психологизма. Сюжет раскрывается через противопоставление внутреннего мира главного героя Риши миру внешнему, где люди живут в состоянии отчужденности друг от друга. «Ночной репортёр» не претендует на точность и реалистичность изображения: его характерной чертой, как и большинства других произведений, затрагивающих период чрезвычайного положения и написанных на vernacular языках Индии, является уход от прямого описания событий того времени. Н. Варма не столько воссоздает хронологию 1975-1977 гг., сколько конструирует некий собирательный образ авторитарного общества, вбирающего в себя

специфические черты хорошо знакомых автору политических режимов ряда восточно-европейских стран из социалистического лагеря.

При этом «Ночной репортёр» представляет собой одно из первых художественных произведений на хинди, предлагающее взглянуть на «авторитарную» Индию глазами «простого человека» – среднестатистического журналиста из Дели. Сюжетные перипетии не претендуют на достоверное отображение реалий 1975-1977 гг., но тем не менее позволяют читателю сформировать достаточно четкое представление об отношении рядовых индийцев к описываемому периоду.

В докладе на примере романа «Ночной репортёр» анализируется «неофициальный» подход к историописанию чрезвычайного положения 1975-1977 гг., освещаются социополитические процессы того времени в призме взглядов Н. Вармы и делается попытка ответить на вопрос, какой интерес для осмысления и оценки развития индийских демократических институтов представляет изучение историками вернакулярной литературы.

Каранджиа С.Т.

Культурное наследие Индии. Достижения и возможности (уроки), 2000 – 2020 г.

Первые два десятилетия XXI в. отмечены масштабными изменениями в сфере координации и управления в сфере культурного наследия. Эта тенденция прослеживается не столько на уровне постановлений правительства Индии (законодательная деятельность является скорее отражением явлений и изменений, которые происходят в обществе), сколько в процессах, явлениях и проектах, которые можно увидеть на уровне образовательных и культурно-просветительских учреждений всех типов: государственных, общественных и частных.

Данное выступление представит несколько примеров трансформации отношения индийцев к своему культурному наследию в сфере **музейного дела** (создание новых музейных экспозиций и новых музеев, музейные трансформации и новые музейные практики) и **традиционных видов творчества** (жизнь и выживание ремесленников и художников традиционных форм и стилей, программы поддержки, перспективы дальнейшего существования художественных форм).

Данное выступление основано на материалах, собранных автором за время работы в индийских учебных заведениях (институтах архитектуры и дизайна), в процессе сотрудничества (продолжающегося) с различными культурными обществами, включая Музейное Общество Мумбая (Бомбея) и Азиатского Общества.

Кашин В.П.

Свобода в полночь и ее цена

Достижение Индией независимости в полночь с 14 на 15 августа 1947 г. – закономерный результат многолетней освободительной борьбы её народов, а также следствие политического компромисса, к которому пришли британские колониальные власти и лидеры ведущих индийских партий.

Передача власти происходила одновременно с разделом Британской Индии, осуществленному в предельно сжатые сроки в обстановке глубокого общественно-политического кризиса и острой религиозно-общинной конфронтации.

Раздел Британской Индии и рождение доминионов Индийский Союз и Пакистан сопровождалось ожесточенными индусско-мусульманскими и мусульманско-сикхскими столкновениями. Главным центром кровопролития стал Пенджаб. Следствием погромов была массовая миграция населения. Размежевание повлекло за собой разрыв сложившихся экономических и торговых отношений и было отмечено неравномерным распределением ресурсов.

При всем том, передача власти и свобода в полном кардинальном образе изменили судьбу народов субконтинента. Они ускорили рост национального самосознания и процессы межэтнической интеграции как в Индии, так и в Пакистане.

Козлова А.А.

Могольское наследие в Дели: манипуляции с топонимикой

«Топонимические игры» превратились в глобальное явление в постколониальном мире, когда новые нации одна за другой становились независимыми и выходили из-под власти колонизаторов. Цель таких манипуляций, как правило, состояла в том, чтобы вернуть историческую справедливость, убрать ассоциации с гнетущим прошлым из коллективной памяти граждан. Индию после обретения независимости также охватила волна переименований на различных уровнях. Меняли как названия штатов и округов, так и названия городов, поселков и улиц.

Политика переименований в Индии привлекла к себе повышенное внимание общественности с 2014 г. Однако очередная волна присвоения городам и улицам новых названий началась еще в 1990-х годах; она является частью масштабной «шафранизации», которая проводится ныне правящей индусской коммуналистской Бхаратия джаната парти. Заявления, связанные с переименованием, учащаются, когда в Индии проходят предвыборные кампании, что делается с целью «умасливания» индусского большинства.

Мусульманские династии правили в Индии с XIII по середину XIX в. За это длительное время они оставили весьма заметный след в истории и культуре Индийского субконтинента, и особенно это отразилось на столице – Дели. Могольские правители (1526-1858) увековечили память о себе в многочисленных архитектурных сооружениях. Этот значимый исторический период был отражен в топонимике города. В последние годы названия улиц, связанных с историей Могольской Индии, стараются вычеркнуть из карты Дели и из памяти делийцев. Колониальный период и все беды страны связывают с приходом мусульман, так что дело вовсе не в неблагозвучности топонимов, а в их «неблагосмысленности».

Первым на «переделку» попала улица Аурангзеб-роуд в Нью-Дели. С 2014 г. в муниципальный комитет столицы стали поступать обращения с предложениями о ее переименовании. В итоге 29 августа 2015 г. улица стала носить название Абдул Калам-роуд «в знак уважения к народному президенту» – чтобы «не вспоминать о жестокостях и пытках, проводившихся Аурангзебом».

Не устраивают членов муниципального совета Нью-Дели и названия улиц Акбар-роуд и Бабур-роуд. Вокруг них в последние несколько лет также возникают ожесточенные споры. Очевидно, что в случае смены названий данных топонимов проигравшей стороной окажется история Индии.

Косарева Е.С.

**«Индия: от британской колонии к глобальной державе» –
солнечные перспективы или туманный шанс?**

*Счастливые золотистые кони Сурьи, светлые,
Быстрые, сопутствуемые ликованием,
Достойные почтения, вступили на поверхность неба,
[Они] обходят небо и землю в один день*

Ригведа, I, 115:3

Переход к «зеленой» энергетике – общемировой тренд, которому Индия не только следует, но и является одним из лидеров. С развитием экономики стране требуется все больше электроэнергии, и увеличение процента ВИЭ по сравнению с традиционными источниками в энергобалансе – не просто дань моде, но насущная необходимость, если государство хочет сохранить надежду на продолжение активного роста.

Хотя Национальная солнечная миссия имени Дж. Неру (НСМ) была начата в январе 2010 г., активные действия по имплементации источников получения солнечной энергии начались только в 2014–2015 гг., что совпало с приходом к власти в стране Бхаратия джаната парти (БДП) во главе с Нарендрой Модди. Его правительство поставило перед страной амбициозную цель – достичь выработки 175 ГВт чистой энергии к 2022 г., из которых 100 ГВт придется на солнечную энергетiku, в то время как в 2015 было имплементировано всего 3 ГВт. Тем не менее, цель кажется вполне достижимой, поскольку год от года стоимость 1 кВт/ч энергии, полученной от солнца, становится все дешевле, снижаются затраты на установку солнечных панелей, политика правительства на федеральном и региональном уровнях поощряет как внутристрановые, так и прямые иностранные инвестиции в эту сферу.

Развитие солнечной энергетики для Индии – и инструмент мягкой силы (показать мировому сообществу, что страна озабочена глобальной повесткой и ответственно и осознанно подходит к своему устойчивому развитию), и обеспечение энергетической безопасности (в известных пределах). Несмотря на ряд существенных сложностей (импорт большей части комплектующих из КНР, вопрос о создании хранилищ энергии и транзитных сетей по всей стране, запутанное земельное законодательство, финансовые трудности

дистрибьюторов), сфера солнечной энергетики в Индии имеет и явные преимущества (например, возможность установки автономных систем в труднодоступных районах, создание новых рабочих мест и сохранение окружающей среды), перевешивающие недостатки, а особенности географического положения страны являются еще одним стимулирующим фактором развития. Несмотря на незначительный спад темпов наращивания мощностей солнечной энергетики в начале 2020-х гг., видится, что становление отрасли в Индии будет продолжаться.

Кулик Л. В.

Роль и место инновационных технологий в представлении об Индии XXI в.

Один из кажущихся парадоксов сегодняшней Индии заключается в стремлении руководства страны к достижению технологического прорыва и одновременном возвращении к традиционным основам индийской цивилизации, которые индийские лидеры во главе с Нарендрой Моди видят прежде всего в канонах индуизма и ведических принципах.

В публичном поле очень часто слышится критика в адрес индийских политиков и чиновников в создании в стране такого климата, при котором другие конфессии, отличные от индуизма, испытывают дискомфорт, а наука вынужденно уходит в подполье, в то время как антинаучные концепции процветают.

На самом же деле, Индия делает значительные успехи на пути инновационного развития, и существует целый ряд подтверждений тому, что, несмотря на некоторые своеобразные проявления возвращения индийцев к своим корням, страна одновременно движется к своей весьма амбициозной цели – в ближайшем будущем стать новым мощным игроком в области технологий и центром инноваций.

Технологии, в частности, цифровые решения, занимают значительное место в представлении о будущем Индии XXI в. Прежде всего потому, что именно с технологическим прорывом связаны надежды руководства и граждан страны на решение многих серьезных проблем, с которыми сталкивается сегодняшняя Индия – от необходимости создания новых рабочих мест, до решения проблем экологии и устойчивого развития.

Куприянов А.В. (ИМЭМО РАН)

Политическая экономия индийского экспансионизма: геополитика и крупный бизнес в регионе Индийского океана

В настоящее время Индия в рамках интеграционных стратегий в регионе Индийского океана реализует крупные инфраструктурные проекты, призванные укрепить ее геополитическое влияние и парировать рост китайского присутствия в регионе. В докладе анализируется характер этих проектов и тесная связь между геополитическими

императивами правительства Н. Модии и интересами крупного бизнеса (прежде всего Адани и Амбани).

Махлаюк А. Н.

Поэтические произведения на протестах в современной Индии: от Хабиба Джалиба до Варуна Гровера

В конце 2019 и начале 2020 года в столице Индии и по всей стране проходили крупномасштабные протесты против поправок в Закон о гражданстве, 1955 г. Важной особенностью этих протестов стало использование различных арт-практик, через которые ретранслировались взгляды и идеи протестующих.

В данном докладе рассматриваются поэтические произведения, которые как активно публиковались в социальных сетях, так и воспроизводились в виде музыкальных композиций. Использование поэзии в качестве политического «заявления» является давней традицией в Индии, поэтому требует более внимательного рассмотрения. Протесты были обусловлены проблемами нации, единства и притеснения религиозных меньшинств (протестующие заявляли, что поправки в Закон о гражданстве, 1955 г. дискриминируют мусульман), поэтому эти темы стали ключевыми в создаваемых произведениях. С другой стороны, на протестах использовались произведения поэзии урду, например, назм «Дастур» («Dastūr», 1962) Хабиба Джалиба, а также стихотворение «Мы посмотрим» («Ham dekheñge», 1979) Фаиза Ахмада Фаиза.

Ключевым элементом как современных поэтических и музыкальных произведений, так и других проявлений арт-практик на протестах в 2019-20 гг. является апелляция к единству нации. Так, помимо поэзии очень важными оказываются различные перформансы и инсталляции, которые организовывались и создавались на крупных протестных площадках. Один из наиболее показательных и известных примеров – это инсталляция в виде карты Индии, установленная на уже упомянутой площадке в Шахин Баге, которая, по словам автора, символизирует голоса протестующих со всей Индии.

В Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета в соавторстве с коллегами готовится к публикации статья об отражении секулярного/инклюзивного национализма в поэтических произведениях, которые были использованы на протестах в 2019-20 гг. Мы предполагаем, что через некоторые произведения ретранслируются секулярные идеи, разработанные на разных этапах развития Индии.

В целом поэтические произведения и другие арт-практики в контексте протестов против поправок в Закон о гражданстве характеризуются широким разнообразием форм, через которые ретранслируется ключевая идея единства и единения нации. Кроме того, для Индии крайне показателен сам процесс мобилизации общества, которое стремится выразить свой протест через призму искусства.

Муратшина К.Г., Бородина Е.А.

Взаимодействие Индии и Китая в сфере культуры на современном этапе

Доклад посвящен неочевидной, но очень любопытной теме в индийско-китайских отношениях, – тому, как на фоне сложного, конфликтного взаимодействия между сторонами развивается такая область взаимодействия, как контакты в сфере культуры. По времени мы смотрели последние 5 лет, то есть взяли время и до пандемии, и сейчас. Мы

выяснили, что есть целый ряд институтов сотрудничества, которые ведут такие обмены. Это дипломатические учреждения сторон (посольства и консульства), Индийский совет по культурным отношениям, китайские государственные органы, культурные центры, некоммерческие организации. Основные формы сотрудничества включают проведение фестивалей, гастролей, праздников и форумов. Обмены идут, несмотря на наличие конфликтных точек во взаимоотношениях, причем достаточно интенсивно. С одной стороны, это выглядит иногда странно, с другой – Китай является крупнейшим соседом Индии с протяженной границей, и оба государства заинтересованы в недопущении кровопролитной войны, во взаимопонимании, в нормальных отношениях между народами.

Вместе с тем у обменов есть важная особенность. Со стороны Китая мы наблюдаем несколько большую активность, причем осуществляемую не только правительственными структурами, но и руками организаций, которые позиционируются, как общественные (ассоциации и общества дружбы, бизнес-ассоциации), но на деле всегда подчиняются китайскому государству и уже успели стать частью его дипломатии по всему миру. Именно поэтому китайские мероприятия не ограничиваются шоу, а по изученным материалам культурных форумов заметно, что на них много обсуждаются китайско-индийские отношения в целом, и, разумеется, Китай излагает там свое видение ситуации, перспектив, грубо говоря, ведет пропаганду.

Однако за наращивание культурных контактов выступают обе стороны. Казалось бы, Индия могла, наоборот, сопротивляться культурной экспансии Китая, но, напротив, она готова расширять обмены. Представляется, что причина – в том, что в их связях присутствует столь необходимая симметрия. У Китая есть в Индии свой культурный центр – у Индии есть в Китае свой культурный центр. Китай открывает в Индии Институты Конфуция – Индия жестко их контролирует через свой МИД и открывает в Китае кафедры хинди, управляя ими силами Индийского совета по культурным отношениям. Деятельность китайских НКО индийская сторона пристально отслеживает, как и контакты своих политиков с Китаем. Таким образом, даже несмотря на то, что Китай ведет себя очень активно, Индия не допускает перекося в их отношениях и поддерживает баланс. Этот индийский опыт культурных взаимоотношений с Китаем очень ценен, и его необходимо изучать другим странам, которые испытывают на себе культурное продвижение со стороны Пекина. В том числе на него нужно обратить внимание России, чтобы тоже поддерживать баланс в отношениях с соседом и защищать свои интересы.

Савичева Е.М., Титов В.П., Иванов С.А.

Проблемы и перспективы развития четырехсторонних связей Индии, Израиля, ОАЭ, США в Восточном Средиземноморье, Юго-Западной Азии и Индийском океане в формате Quad -2

В современной ситуации экспертное сообщество все более активно обсуждает поворот Индии на Запад (в Юго-Западную Азию), вслед за более ранним поворотом на Восток (в Юго-Восточную Азию), т.е. Look East Policy дополняется Look West Policy. Трудности с традиционной многосторонностью приводят к новому акценту на минилатерализме, в частности на четырехсторонних форматах и институциональных структурах регионального масштаба. Минилатерализм, кажется, является свежим привкусом сезона во внешней политике и международных отношениях. После того, как Quad -2 - Индо-Тихоокеанский четырехсторонний диалог по вопросам безопасности, или «четверка» — Австралия, Индия, Япония и Соединенные Штаты — укрепился, вторая «четверка» вступила в процесс институционального становления.

Инаугурационная встреча министров иностранных дел Индии, Израиля, Объединенных Арабских Эмиратов и Соединенных Штатов оценивается как очень важное событие. Министры иностранных дел С. Джайшанкар из Индии и Яир Лапид из Израиля встретились 20 октября 2021 года, а виртуально к встрече присоединились госсекретарь США Энтони Блинкен и министр иностранных дел ОАЭ шейх Абдулла бен Заид Аль Нахайян. Джайшанкар уже находился с длительным визитом в Израиле и там присоединился к встрече. Так совпало, что накануне, 19 октября 2021 года, два видных индийских аналитика со связями упомянули в СМИ о возможности и актуальности такой новой «четверки». Интересно, что министры иностранных дел трех членов этой новой четверки незадолго до того встретились в Вашингтоне, чтобы обсудить ход выполнения соглашений Авраама между Израилем и Эмиратами, подписанных в августе 2020 года. И вот новая четверка добавляет Индию в эту трехстороннюю структуру и/или организацию.

Новый четырехугольник важен по четырем причинам. Во-первых, это четкое признание того, что администрации участвующих государств сейчас активно реагируют на действия Китая в данном регионе. Администрация Байдена уже активизировала участие США в Индо-Тихоокеанском регионе. США не только углубили Индо-Тихоокеанский Quad -1, но и создали AUKUS. Оба мероприятия отражают явное намерение администрации США ответить на вызов Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Создание нового четырехугольника на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье отражает признание того, что вызов Китая выходит за рамки Индо-Тихоокеанского региона и должен решаться и в других регионах.

Во-вторых, тот же императив, по-видимому, движет и участием Индии. После конфронтации в Галване в 2020 году и продолжающейся непримиримости Китая вдоль линии фактического контроля Индия с большим энтузиазмом относится к Индо-Тихоокеанской четверке. Следует обратить внимание на то, что этот энтузиазм пропал после конфронтации в Докламе в 2017 году. Фактически, после конфронтации в Докламе Индия и Китай провели два неформальных саммита лидеров в Ухане и Мамаллапураме, чтобы попытаться разрешить свои разногласия. Вероятно, в результате этих усилий Индия затаила с перезапуском инициативы Quad, а присоединение Индии к этой новой ближневосточной четверке является признанием того, что Нью-Дели также понимает, что вызов Китая необходимо решать не только на севере и востоке от Индии, но и на западе от Индии.

Третий момент, который следует отметить, заключается в том, что и Индия, и США теперь признают, что они нуждаются друг в друге для решения этих проблем Китая. США всегда было удобно взаимодействовать с другими партнерами во многих регионах, но Индия никогда не была одним из них. Материальный вес Индии теперь делает ее ценным партнером США в Индо-Тихоокеанском регионе, а также в других регионах. Ясно, что Индия также признает, что США необходимы, чтобы закрепить любые усилия по противодействию распространяющемуся влиянию Китая.

В-четвертых, следует отметить, что эти четырехугольники — как в Индо-Тихоокеанском регионе, так и на Ближнем Востоке — являются отражением понимания того, что вызов Китая является не только военным, но и гораздо более широким вопросом, включая политические и экономические аспекты. Как заметил Навдип Сури, влияние Китая на Ближнем Востоке, особенно в Израиле и ОАЭ, росло, несмотря на то, что обе страны являются близкими партнерами США в сфере безопасности. Это была не столько прямая угроза безопасности — хотя были и соображения безопасности, — сколько более широкое расширение политического и экономического влияния Китая на Ближнем Востоке. Обе эти четырехсторонние группы являются отражением того, что США и Индия готовятся к этой гораздо более широкой борьбе.

Наконец, Израиль и ОАЭ являются хорошими партнерами для Индии и США. Индия и США поддерживают хорошие двусторонние отношения как с Израилем, так и с ОАЭ, что было необходимым аспектом для построения ближневосточного четырехугольника. Во-вторых, обе они сами по себе являются развивающимися технологическими державами. Технологическое мастерство Израиля в военной и гражданской областях хорошо известно. Менее известен тот факт, что ОАЭ также готовится к технологическим достижениям в таких областях, как исследование космоса. Показательным примером является недавний марсианский зонд ОАЭ «Надежда». Кроме того, Авраамские соглашения объединили Израиль и ОАЭ, решив тем самым некоторые трудности построения ближневосточной коалиции. В результате можно сделать вывод, что даже недавние десятилетние сценарии больше не актуальны.

Садовникова Я.О.

Индийско-бангладешские отношения в 2015-2022 гг.

Полвека назад были установлены дипломатические отношения между Республикой Индия и Народной Республикой Бангладеш. Индийское правительство оказало народу Восточной Бенгалии (с 1956 г. – провинции Восточный Пакистан) значительную помощь в борьбе за создание собственного государства. Затем в двусторонних отношениях, несмотря на изначально заложенную позитивную основу, наблюдались как стабильные периоды, так и всплески напряженности. После прихода к власти в Бангладеш в 2009 г. правительства Авами Лиг во главе с Ш. Хасиной отношения между странами заметно улучшились. За последние несколько лет благодаря обоюдным усилиям политического руководства обозначилось оживление межгосударственных контактов в самых разных сферах: коммуникации, энергетика, торговля, водные ресурсы, транспорт. В газетных публикациях особо отмечался тот факт, что в качестве своего первого зарубежного визита с начала пандемии *COVID-19* премьер-министр Н. Моди выбрал именно Бангладеш.

В рамках внешнеполитической инициативы правительства БДП «Действуй на Восток», направленной на укрепление связей со странами Юго-Восточной Азии, а также интеграцию отдаленных штатов на северо-востоке индийского государства, особое внимание уделяется совместным проектам в области транспорта и коммуникаций. Долгожданное открытие бангладешским правительством доступа к портам Монгла и Читтагонг стало показателем готовности Дакки расширять сотрудничество на региональном и субрегиональном уровнях. В 2015 г. между Индией и Бангладеш был обновлён *Протокол о транзите и торговле по внутренним водным маршрутам, 1972 г.* В 2020 г. в документ были добавлены новые трансграничные направления перевозок и порты для захода грузов через территорию Бангладеш.

Важной вехой в истории субрегионального сотрудничества стало подписание в 2015 г. между Бангладеш, Непалом, Индией и Бутаном «Соглашения о транспортных средствах», направленное на создание беспрепятственного перемещения пассажиров и грузов по территории указанных стран. Индия и Бангладеш также показывают пример широкого взаимодействия на различных региональных платформах (*BIMSTEC, IORA* и др.)

Стоит отдельно сказать о роли «китайского фактора» в индийско-бангладешских отношениях. Любое сближение и поддержка инициатив Пекина со стороны Бангладеш настороженно воспринимаются в Дели. Следует подчеркнуть, что Республика Индия и Китай – важнейшие торговые партнёры Бангладеш. Бангладешское правительство стремится к выстраиванию дружественных и стабильных отношений с обоими государствами, руководствуясь взвешенным и рациональным подходом.

В индийско-бангладешских отношениях остаются нерешенными многие проблемные вопросы, в частности касающиеся использования трансграничных водных ресурсов. Затягивание водных споров сказывается на благополучии проживающих вблизи рек граждан обеих стран. В 2019 г. властям Индии и Бангладеш удалось урегулировать вопрос с распределением воды из реки Фени, протекающей вдоль границы двух государств. Благодаря достигнутому соглашению должно улучшиться водоснабжение пограничного индийского города Сабрум, который планируется превратить в центр торговой и экономической активности, а также современный транспортно-логистический узел, связывающий штаты на северо-востоке Республики Индия не только между собой, но и с остальной частью страны, а также со странами Юго-Восточной Азии через бангладешский порт Читтагонг.

Сафронова А.Л.

Традиционное княжеское наследие в системе ценностей современной индийской демократии

Судьбы традиционных элит стран Востока привлекают к себе внимание как современных исследователей, так и политиков государств афро-азиатского региона. Изучение общественных умонастроений и политической модели поведения княжеских династий, а также значительной части населения, проживающего на территории бывших княжеств и сохраняющего в наибольшей степени склонность к традиционалистским ценностям, безусловно, представляет интерес в плане оценки перспектив развития индийской демократии и определения ее своеобразия.

Индийские исследователи и общественные деятели обсуждают проблемы сохранения и форм бытования традиционных элит в Республике Индия в условиях бурно развивающейся модернизации, проблемы преемственности привилегированных меньшинств, соотнесения их с современными социальными и сословно-кастовыми общностями.

Для исследователей княжеской тематики представляют интерес вопросы: являются ли исторически сформировавшиеся привилегированные общности в Индии реликтовыми группами, «социальными фантомами», превратились ли они в так называемую «контрэлиту» или же успешно вписались в современную структуру индийского общества, став составной частью его «компонентной элиты»; растворились ли территории бывших княжеств в новых административных единицах или прежние границы сохранились «в умах» населяющих их людей, продолжающих жить по прежним привычным стереотипам. Современная историография по проблемам развития княжеских династий в современной Индии показывает, что специфика «ментальной программы» традиционных сообществ на территориях бывших княжеств оказалась устойчивой и во многом действует вплоть до сегодняшнего дня. Представители княжеских династий были лишены своих привилегий «де-юре», но не «де-факто», они сохранили свой авторитет среди бывших подданных, которые по-прежнему чтят высокородных потомков князей и считают их «неправительственной властью» на местах. Отдельные князья участвуют в электоральном процессе, вступают и в существующие в регионах Индии политические партии, и в общеиндийские.

Каковы пути встраивания потомков княжеских династий в государственные структуры Республики Индия, основанной на демократических и секулярных основах? Как складывается отношение ведущих политических партий Индии (Индийского национального конгресса, Бхаратия джаната парти и др.) к новым ролям, которые стали

играть потомки княжеских династий в стране сегодня, спустя 75 лет после достижения независимости и интеграции княжеств в состав индийской федерации?

Сидорова С.Е.

О неприкасаемых и прикосновениях: буддийская ступа в британских кварталах Нагпура

Доклад посвящен проблемам материально-символического обустройства городов в современной Индии. В центре внимания Нагпур, который в XVIII–XX вв. был главным городом Нагпурского княжества, затем центром одной из провинций Британской Индии, а в настоящее время является зимней столицей штата Махараштра. Структурно он до сих пор представляет собой типичный пример постколониальной территории, где тесно соседствуют пространства, олицетворяющие произошедшее пару веков назад столкновение пришлой и местной культур/цивилизаций. Однако с уходом британцев и сменой политической повестки дня город начал трансформироваться. Деятельность различных социально-политических сил и групп после обретения страной независимости наделяли те или иные локусы новыми смыслами и коннотациями.

В частности, на протяжении XX в. Нагпур был одним из важных центров движения далитов за свои права под руководством идейного и духовного лидера Бхимрава Амбедкара. В результате их протестного активизма, разворачивавшегося преимущественно в городских пространствах, появилась новая социально-религиозная традиция – необуддизм. Свообразным актом ее рождения стало единовременное обращение в буддизм нескольких сот тысяч человек, состоявшееся на огромном пустыре в Нагпуре 14 октября 1956 г. Нагпур был не единственным городом, претендовавшим на право предоставить площадку для проведения церемонии, но именно у него обнаружилось бесспорное преимущество перед конкурентами. На этих землях некогда проживал народ-змеепоклонник - *наги*, неразрывно связанный с именем Будды и немало сделавший для сохранения священных буддийских реликвий. Это дало основания городу претендовать на роль одного из центров буддизма. Однако для удержания этого статуса, особенно после смерти Амбедкара, последовавшей вскоре после обращения, Нагпуру не хватало видимых и осязаемых символов, вокруг которых можно было бы концентрировать различные практики, не доставало овеществленного остова, на который бы наращивалась культурная толща традиции. Мощный и яркий перформативный активизм нагпурских далитов актуализировался в скоротечных шествиях и собраниях и растворялся, как только участники освобождали от своих тел городские артерии и пространства. В докладе анализируются способы укоренения необуддизма в Нагпуре, механизмы апроприации приверженцами формирующегося культа некоторых городских мест, их символическое маркирование и сакрализация с помощью перформативных и материальных практик, накапливания артефактов и закрепления ритуалов, рассматривается изменение статуса города, появление в нем новых идеологически конфликтующих территорий.

Спектор И.Б.

Коммунистическое движение в первые годы после независимости Индии: итоги «Калькуттского съезда» КПИ

Коммунистическая партия Индии практически с момента своего основания в 1925 г. действовала в условиях подполья и полицейских преследований. Однако в 1942 г. КПИ, оказавшаяся единственной крупной политической силой, выступившей в поддержку

военных усилий британского правительства, была легализована. В годы войны влияние КПИ многократно усилилось, под влияние партии попали многочисленные студенческие организации и профессиональные союзы. Часть руководства КПИ воспринимала политическую ситуацию в стране как потенциально революционную. Такую оценку подтверждали успехи коммунистов в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также слабость британской власти в Индии в последние месяцы перед провозглашением независимости страны.

На момент получения Индией независимости в августе 1947 г. партийное руководство во главе с П. Ч. Джоши декларировало курс на сотрудничество с правительством Дж. Неру. Однако на съезде КПИ в Калькутте в феврале-марте 1948 г. «оппортунистический» курс Джоши подвергся жесточайшей критике со стороны представителей радикального крыла партии. Последние считали полученную Индией независимость фиктивной, а политическую ситуацию в стране сравнивали с положением в России после февраля 1917 г. Избранное на съезде в Калькутте новое руководство партии во главе с Б. Т. Ранадиве провозгласило курс на взятие власти в стране путём немедленной революции. Особые надежды возлагались на крестьянское движение в Телангане, которое должно было перерасти во всеиндийское крестьянское восстание.

Решения, принятые на калькуттском съезде, привели к быстрому запрету КПИ и аресту большей части руководства партии. Надежды коммунистов на всеобщую стачку в городах и на поддержку восстания армией не оправдались, а крестьянское восстание в Телангане было достаточно быстро подавлено. На съезде партии в 1951 г. победила поддержанная Москвой умеренная фракция, политика партии в предыдущие три года была официально объявлена «периодом левацкого авантюризма». КПИ признала индийскую конституцию и приняла участие в парламентских выборах, став крупнейшей оппозиционной партией. Тем не менее, противоречия между фракциями в КПИ, проявившиеся на калькуттском съезде, не были окончательно изжиты. Именно они в итоге привели к расколу единого индийского коммунистического движения в начале 1960-х годов.

Старикова М.Н.

Политика «позитивной дискриминации» в Индии: мусульманская община и новые правила квотирования

В современной Индии выделение квот на основании принадлежности к религиозной общине не предусмотрено. Правом на получение зарезервированных мест обладают зарегистрированные касты, зарегистрированные племена, «прочие отсталые классы» и с 2019 г. «экономически менее развитые группы населения».

В первую категорию входят представители низших каст индусского общества; с 1956 г. и с 1990 г. в неё были включены представители сикхов и буддистов соответственно. Хотя в Индии многие мусульмане и христиане имеют низкокастовое происхождение и часто страдают от тех же социальных, образовательных и экономических проблем, их не включают в список зарегистрированных каст. Уже несколько десятилетий они борются за признание их принадлежности к низшим кастам несмотря на вероисповедание.

В категорию «прочих отсталых классов» мусульмане были включены в 1990-е г. на основании доклада Комиссии Мандала, созданной в 1979 г. Согласно докладу, на тот

момент в Индии около 50% населения подпадало под определение отсталых классов (в том числе и мусульмане), поэтому рекомендовалось ввести 27%-ю квоту с учетом уже имеющегося процента зарезервированных мест. После реформы, предложенной премьер-министром П.В. Нарасимха Рао, и принятия решения Верховным судом от 1992 г. была введена указанная выше категория, которая включала и часть мусульман.

Правительство Нарендры Моди в 2019 г. внесло конституционную поправку, согласно которой допускалось 10%-е резервирование для «экономически менее развитых групп населения». Хотя представители мусульманской общины в Нижней палате парламента выступили против выделения новой квоты, ряд обозревателей и исследователей сходятся во мнении, что мусульмане могут воспользоваться предложенной возможностью и поступить как в высшие учебные заведения, так и на государственную службу на основании экономического статуса. Поскольку из-за вероисповедания они не могут претендовать на вхождение в список зарегистрированных каст и так как не все попадают в категорию «прочие отсталые классы», резервирование с учетом лишь экономического критерия, как предполагают составители поправки, позволит ряду мусульман улучшить свое положение в обществе.

Титов В.П.

К.Субраманьям и развитие стратегической культуры Индии

Кришнасвами Субраманьям (1929, Тиручирапалли – 2011, Дели) был видным аналитиком в области международных стратегических проблем, известным журналистом и государственным служащим Индии. Будучи сторонником политического прагматизма, а также теорий и методов Realpolitik, долгое время был влиятельным голосом в делах безопасности Индии. В экспертном сообществе обоснованно признается ведущим гуру безопасности и стратегии Индии. Точнее, он «шерпа» современного статуса Индии как великой региональной и глобальной державы - и в современной ситуации, и в обозримой перспективе. Как один из заместителей министра обороны он в 1966 году входил в неинституционализированную группу экспертов-интеллектуалов, целью которой было от лица Индиры Ганди разъяснить политические, технологические и экономические аспекты национальной ядерной политики, а также вопросы безопасности.

Назначение главой созданного при его участии IDSA (Института оборонных исследований и анализа) с 1968 по 1972 год и снова с 1980 по 1987 год позволило ему добавить учености и глубины к своим внутренним убеждениям и опыту практической работы в области обороны и стратегии. Позже работа министром внутренних дел Тамил Нада дала ему некоторое знакомство с вопросами внутренней безопасности. Как госслужащий он непосредственно занимался оборонным производством и был также председателем Объединенного разведывательного комитета в период между работой в IDSA. Период IDSA также позволил ему, химику по основному образованию, активно учиться в сфере современных политических наук, заниматься самообразованием, часто ездить за границу, иметь доступ к альтернативным источникам информации, а также участвовать в собраниях Пагуошского движения (неправительственной организации учёных, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение мировой термоядерной войны и научное сотрудничество).

Субу, как кратко звали его друзья, смело и безошибочно предугадал горячие точки в регионе Южной Азии и Индийского океана, выдвинул ряд концептуальных позиций, которые со временем оказались не просто востребованными, но и чрезвычайно полезными для развития индийского государства, для, говоря современным научным языком,

формирования стратегической культуры Индии. Логика ситуационного анализа системы международных отношений постепенно убедила Субу в том, что ДНЯО и его филиалы создали неравный и несправедливый мир и что без надежного собственного минимального сдерживания Индия никогда не сможет подняться до своего полного роста, подвергаясь разнообразному давлению или ядерному шантажу. Эта оценка и/или прогноз действительно подтвердились последующими событиями. Субраманьям был сторонником того, чтобы Индия приняла позицию неприменения первой, аргументируя это сразу после испытаний «Шакти» в 1998 году и даже раньше, в 1974 году. Вскоре после этого ядерная доктрина была принята правительством Индии. В ноябре 2005 года премьер-министр Манмохан Сингх назначил Субраманьяма главой специальной правительственной целевой группы по изучению «глобального стратегического развития» в течение следующего десятилетия. Группа изучила различные аспекты глобальных тенденций в стратегических вопросах и представила свой отчет премьер - министру в 2006 году. До сих пор это секретный документ.

Общепризнано, что новаторская политическая работа Субраманьяма оставила неизгладимое, хотя иногда и противоречивое, впечатление на индийское стратегическое мышление, внешнюю политику и, в целом, стратегическую культуру. Содержание этих работ до сих пор обсуждается, хотя признано, что оно прочно укоренено в традициях прагматизма и реальной политики. Многие из его позиций, особенно те, которые он сформулировал в отношении ядерного выбора Индии, часто приводили к тому, что Субраманьяма называли политическим «ястребом» и сторонником «жесткого курса».

В 1995 году профессор Гарвардского университета Алистер Джонстон написал работу «Культурный реализм: Стратегическая культура и большая стратегия в китайской истории», пытаясь построить более строгую концепцию стратегической культуры. По Джонстону, культура — как среда идей и представлений, которая ограничивает стратегические выборы. Стратегическая культура же — это целостная «система символов» (то есть способов аргументации, аналогий, метафор), которая формирует представления о роли и эффективности военной силы в межгосударственных отношениях, придавая им ауру очевидности. Тем самым стратегическая культура создает долговременные стратегические предпочтения.

К.Субраманьям много писал как журналист, он был включен в список журнала India Today «High & Mighty» в 2006 году. Он утверждал, что стратегия обозначает всю совокупность политических средств, обеспечивающих существование и развитие политики в меняющейся международной среде, ее безопасность, национальные интересы и т. д., а стратегическая культура включает в себя традиции, ценности, ориентации, модели поведения, привычки, обычаи. Субраманьям является автором или соавтором четырнадцати книг. К ним относятся «Освободительная война» (1972 г.) с Мохаммедом Айюбом об освободительной войне Бангладеш, «Ядерные мифы и реальность» (1980 г.), «Индия и ядерный вызов» (1986 г.), «Вторая холодная война» (1983 г.) и «Соперничество сверхдержав в Индийском океане» (1989 г.) с Селигом С. Харрисоном.

Субраманьям долгое время выступал за обновление аппарата принятия решений в области национальной безопасности Индии, а также громко критиковал попытки нескольких правительств изменить систему управления в сфере безопасности. Он особенно критически относился к апатичному подходу сменявших друг друга правительств Индии к долгосрочному стратегическому планированию, и их аналогичному отношению к созданию специализированных должностей, институтов и ресурсов.

«Сегодня нас преследует устаревшее мировоззрение, основанное на линейной экстраполяция прошлого... Знания, а не оружие, станут валютой власти в этом столетии», — эта фраза стала квинтэссенцией его подхода к политике. Проницательные труды

Субраманьяма продолжают стимулировать и способствовать размышлениям специалистов по стратегическому анализу и политиков в этой жизненно важной области, представляющей национальный интерес не только для Индии.

Харина О.А.

Женщина в политике в Индии: пример Индиры Ганди

В исследовании анализируется деятельность первой женщины премьер-министра Индии Индиры Ганди. Основной акцент делается на ее отношении к правам женщин. Актуальность вызвана растущим интересом к становлению и развитию феминистических движений в странах Азии и их современному состоянию. Проблема женского политического лидерства приобретает особое значение в условиях мировых социальных перемен, когда изменения в общественной жизни способствуют приходу женщин к управлению в различных областях деятельности, в том числе, и в политике. Индия, как государство, влияние которого в мире все больше возрастает, представляет особенную значимость для исследования. Автором рассматриваются речь, интервью, письма, государственные программы по поддержке женщин в стране в период нахождения у власти Индиры Ганди. Рассматриваются предпосылки прихода к власти Индиры Ганди, ее действия по отношению к женщинам и последствия ее деятельности. В заключении делается вывод о том, насколько велик вклад И. Ганди в развитие современных индийских феминистических движений, с какими проблемами сталкиваются современные защитники прав женщин, а также каковы перспективы изменений гендерной политики в стране.

Хачатурян Н.

Ага-Хан III и независимость Индии

Исмаилизм - одна из основных ветвей крайне шиитского ислама. Возникновение исмаилизма стало следствием раскола, вызванного спором между наследниками шестого шиитского имама Джафара ас-Садика (VIII в.). Последний, в свою очередь, усовершенствовал основную концепцию доктрины имамата, которая базировалась на вере в необходимость для человечества постоянного божественного руководства со стороны безгрешного и непогрешимого имама.

Несмотря на преследования и религиозные репрессии в разные исторические периоды и широко распространенную практику «религиозного сокрытия» - *такийя*, которой часто пользовались приверженцы исмаилизма, в разные исторические периоды представляясь то суфиями, то шиитами-двунадесятниками, то суннитами или индусами, а также несмотря на рассеянность по разным странам, они сохранились и по сей день.

С середины 19-го века в результате политической нестабильности в Персии исмаилитский имамат переместился в Индию. Исмаилитские имамы начали проводить активную реформаторскую деятельность и политику модернизации среди своих последователей с целью содействия развитию современного исмаилизма.

Имамы, будучи союзниками Британской Империи, также во многом способствовали улучшению социально-экономических условий индусов и мусульман других конфессий в условиях британского колониализма, а со временем начали поддерживать и идеологию независимости.

Ага-Хан III, 48-ой исмаилитский имам (1877–1957), будучи выдающимся международным политиком, включился в «индийские дела» и действительно участвовал в судьбоносных дискуссиях, которые привели в конечном счете к независимости Индии и

Пакистана от британского владычества. Он стал одним из основателей и первым президентом Всеиндийской Мусульманской Лиги (позже Лиги Мусульман). Трижды назначался главным представителем Индии в Лиге Наций. Всю свою жизнь он боролся за независимость Индии, отстаивал также национальные интересы Пакистана.

В 1930-е годы, он представлял мусульман Индии на конференциях Круглого стола в Лондоне, обсуждая судьбу субконтинента вместе с другими знаменитыми участниками, такими как Махатма Ганди и Мухаммад Али Джинна.

Во время Первой мировой войны имам опубликовал книгу, в которой изложил свои взгляды на будущее Индии.

Черешнева Л.А.

15 августа 1947 г. в лицах и событиях индийской истории: взгляд из XXI в.

В основу доклада положены британские и индийские документы: государственные акты, мемуары, партийные документы, пресса.

В докладе дана подробная характеристика исторического 15 августа 1947 г. – дня передачи власти от англичан индийским политическим силам и провозглашения Индийского Союза. Автор воссоздает живую картину событий, роль исторических персоналий, партий и общественных кругов. 15 августа был установленным днем по «Закону о независимости Индии», в этот день состоялись важнейшие церемонии создания нового индийского государства, приведения к присяге его руководства, поднятия флага над Красным фортом. День независимости стал результатом сложного переплетения объективных причин окончания британского владычества в Индии: крайнего обострения англо-индийских противоречий, высокоорганизованного освободительного движения, роста межконфессиональных столкновений, общего полевения мирового общественного мнения после Второй мировой войны. Независимость сопровождалась разделом колониальной Индии на Индийский Союз и Пакистан.

Во второй части доклада автор касается вопроса о том, была ли альтернатива разделу Индии, и анализирует как непосредственные, так и отдаленные результаты достижения независимости колониальной Индии и ее раздела 1947 г. по конфессиональному признаку. Невзирая на стремление ведущей политической силы Индии – Индийского национального конгресса – к сохранению единства страны и даже предложения Махатмы Ганди создать правительство будущей единой Индии из членов оппозиционной партии Всеиндийской Мусульманской лиги, раздел предотвратить в 1947 году уже было невозможно. Автор характеризует природу индусско-мусульманских политических противоречий и их углубление в период британской колонизации.

Ближайшими результатами достижения независимости колониальной Индии стало интенсивное государственное строительство Индийского Союза, сложный процесс его нациестроительства, принятия Конституции и формирования демократии, внешнеполитического курса «позитивного нейтрализма», при остроте территориальных и иных споров с новообразованным Пакистаном. В докладе показана роль выдающихся личностей индийского политического истеблишмента первых лет независимости (Дж. Неру, А.К. Азада, В. Пателя и др.). Из XXI века очевидными стали отдаленные результаты исторического августа 1947 г. для Индии: доминирование процессов межэтнической

интеграции над центробежными тенденциями, укрепление централизованной федерации, совершенствование демократических институтов, модернизация всех сфер жизни государства и общества, в целом сохранение внешнеполитического курса «позитивного нейтрализма», превращение в региональную державу и один из центров складывающейся полицентричной системы международных отношений XXI столетия.

Шаумян Т.Л.

Прогноз в отечественной политологии: реалии и перспективы внешней политики Индии

Подготовка прогнозов стала приоритетным направлением в отечественной политологии в середине 1980-х годов, что было связано, в том числе, с глубокими внутривнутриполитическими изменениями, которые во многом определяли и внешнеполитический курс страны. Индия традиционно являлась союзником и партнером СССР, однако, приход к власти политика нового поколения – Раджива Ганди, вызывал опасения, что процесс модернизации будет осуществляться в сотрудничестве с США. Именно это обстоятельство вызвало заинтересованность в подготовке прогноза внешнеполитического развития Индии и перспектив российско-индийских отношений.

Отправной точкой стал Прогноз внешнеполитического развития Индии в 1985-90 гг., подготовленный к 19 июня 1985 г. сроком на пять лет при участии сотрудников Отдела Индии и Южной Азии Института востоковедения РАН. В последующие годы прогнозы внешнеполитического развития Индии, подготовленные в 2005, 2006, 2007 и в 2008 гг. в различных формах затрагивали как основные внешнеполитические проблемы, так и отдельные направления внешней политики (индо-пакистанские и индийско-китайские отношения, Долговременные перспективы российско-индийского экономического сотрудничества, российско-индийские отношения, перспективы роста населения Индии, прогноз этнического состава населения Индии и др.) В 2009 г. была опубликована коллективная монография «Индия-Россия: стратегия партнерства в XXI веке», каждая глава которой, затрагивавшая основные направления внешней политики Индии, завершалась специальными разделами «Прогноз» и «Выводы».

Задача данного выступления – сравнительный анализ имеющихся в распоряжении текстов прогнозов, выявление принципов и факторов совпадения и несовпадения сформулированных в различный период предположений о перспективах развития внешнеполитической деятельности Индии, показ того, как проблемы внутривнутриполитического развития Индии влияют на ее внешнюю политику. В какой мере были реализованы – или не реализованы – сформулированные в вариантах прогнозов внешнеполитические задачи страны. Наконец, как принципы и сформулированные задачи выглядят по прошествии более чем трех десятилетий. Это касается особенностей региональной политики Индии, которая базируется на отношении к Южной Азии как к сфере ее исключительных интересов; анализ приводимых текстов показывает, что Индия и впредь будет стремиться к развитию своих отношений с США и Китаем, но избегать действий, существенно нарушающих российско-индийское сотрудничество.

Ширгазина Э. Р.

Проблемы взаимодействия Индии с малыми странами Южной Азии

(на примере Бутана, Непала, Мальдив и Шри-Ланки)

Индия является государством, «оформляющим» регион Южной Азии (она определяет тенденции развития, задает темпы экономического взаимодействия, проецирует культурно-цивилизационные ориентиры). В основе индийского внешнеполитического курса лежит стремление не только упрочить свое положение регионального лидера, но и добиться постепенного международного признания в качестве великой державы. Достижение этой стратегической цели и выход за пределы традиционной области влияния возможны в первую очередь при обеспечении национальной безопасности в представлении политической элиты Нью-Дели, и требует сохранения прочности индийских позиций во взаимодействии с соседями (в рамках концепции «Соседство прежде всего»).

Круг малых стран ближнего партнерства Индии объединяет зависимость от экономической помощи и необходимость привлечения внешних ресурсов для поддержания социально-экономической стабильности и должного уровня безопасности. Вместе с тем, модели взаимодействия Нью-Дели с малыми государствами различаются и определяются в первую очередь исторически обусловленными особенностями связей. Временами диалог с соседями по субконтиненту выстраивается сложно и довольно напряженно, а мягкий подход в некоторых ситуациях не срабатывает (Непал, 2015 г.). Процесс осложняется действиями, предпринимаемыми индийской политической, экономической и военной элитами для продвижения индийских интересов. Действия большого соседа зачастую воспринимаются как гегемонистские устремления. Они проявляются в стремлении Дели направлять политический курс официально суверенных акторов в своих интересах, что идет вразрез с принципом невмешательства, которого индийская сторона официально придерживается с середины 1950-х гг. Чаще всего Индия вмешивается в этнические вопросы (Непал, Шри-Ланка), а также стремится контролировать привлечение иностранной финансовой помощи (прежде всего китайской) для программ инфраструктурного и социально-экономического развития (Непал, Шри-Ланка, Мальдивы). К тому же рост националистических настроений в индийском обществе и негласная поддержка отдельными представителями политической элиты идей в русле концепции Акханд Бхарат способствует росту опасений соседей. Переход Индии от грантовых программ оказания помощи малым странам к коммерческим на основе займов под растущие с каждым годом проценты также вызывает опасения относительно ограничения свободы внешнеполитического маневрирования и, как следствие, суверенности (Бутан, Непал).

Штода А. Е.

Становление советско-индийских экономических отношений

Советско-индийские связи начали формироваться задолго до официального обретения Индией независимости, однако поворотным событием считается установление дипломатических отношений, состоявшееся 13 апреля 1947 года. Во время переговоров, связанных с установлением советско-индийских дипломатических отношений, Джавахарлал Неру выражал интерес в развитии экономических связей с СССР. 14 марта 1947 года в речи на Генеральной Ассамблее он заявил о намерении направить экономическую миссию в СССР для изучения системы централизованного планирования сразу же после установления дипломатических отношений.

С 1947 года СССР и Индия начали заключать торговые соглашения, например, 31 марта 1949 года между Министерством Продовольствия Индии и Всесоюзным объединением «Экспортхлеб» было заключено Соглашение о поставках из СССР в Индию пшеницы и кукурузы в обмен на джут и чай. С 1951 года соглашения стали заключаться уже на более высоком уровне. В этот период активно происходил обмен нотами между Посольством СССР в Индии и Министерством иностранных дел Индии. 22 июня 1951 года между Министерством внешней торговли СССР и Правительством Индии было заключено Соглашение о поставках пшеницы в обмен на джут, шёлк, табак и чай.

Важнейшим этапом в развитии двусторонних экономических отношений стало заключение Торгового соглашения от 2 декабря 1953 года между Правительством СССР и Правительством Индии. В ходе переговоров по заключению Торгового соглашения было принято решение о том, что Правительство СССР откроет в Индии свое торговое представительство, перед которым будет поставлена задача содействовать развитию экономических отношений между двумя странами и представлять интересы СССР.

Ежегодно стороны обсуждали список товаров для импорта и экспорта. В 1950-е годы была заложена основа для дальнейшего развития двусторонних экономических отношений. Советский Союз и Индия подписали ряд соглашений, посвященных строительству заводов в Индии с привлечением советских специалистов, урегулировали вопросы, связанные с морским и воздушным сообщением, а также регулярно проводили встречи для обсуждения актуальных экономических проблем.

Для молодого государства Москва была ролевой моделью страны, которая смогла в рекордно короткие сроки преодолеть отставание в экономике и выйти в разряд передовых держав мира. Для СССР же Нью-Дели стал не только одним из крупнейших партнеров в идеологической борьбе с капиталистическим лагерем, но и важным торгово-экономическим партнером.

Шустова А.М.

Роль С.Н. Рериха в укреплении связей Индии с СССР

В разгорающемся глобальном конфликте Индия последовательно занимает позицию нейтралитета. В особенности это видно по отношению к России. Такую политику прежде всего связывают с ее экономическими и военно-политическими интересами. Но существует и более глубинная причина, которая опирается на богатое в духовном плане культурно-историческое наследие Индии, а также весьма плодотворный опыт взаимодействия с СССР.

В выстраивании дружеских отношений с Советским Союзом заметный вклад внесла семья Рерихов. Литературно-художественное творчество и общественная деятельность Н.К. Рериха, философское наследие Е.И. Рерих, научные труды Ю.Н. Рериха и художественная и общественная деятельность С.Р. Рериха в совокупности являют пример служения делу всемерного укрепления связей независимой Индии и России.

Особую роль сыграл С.Н. Рерих, которому пришлось в течение более чем 30 лет продолжать дело ушедших из жизни родителей и старшего брата. Все его усилия на этом поприще предпринимались в соответствии с заветами старших Рерихов, всегда выступавших за сближение народов Индии и России.

Начало работы по созданию условий для культурного сотрудничества было положено еще в 1930-х годах, когда Н.К. Рерих выступил с инициативой международного Пакта по охране культурных ценностей. Работа по продвижению Пакта в Индии началась с широкого информирования индийской общественности о том, в чём состоят основные идеи Пакта, а также как продвигается дело Пакта в других странах. Материалы о Пакте Рериха публиковались в прессе, причем не только англоязычной, но и на языках бенгали, урду, телугу, тамильском, сингалезском, пенжаби и хинди. Также издавались брошюры, разъясняющие значение Пакта. Организовывались выставки картин Н.К. и С.Н. Рериха. Принималось участие в радиопередачах.

В 1948 году был создан Индийский Комитет Пакта и Знамени Мира. В него кроме Святослава Рериха вошли ещё 17 человек, известных индийских деятелей. Среди них была и сестра Дж. Неру Виджая Лакшми Пандит. Деятельность Комитета Пакта Святослав обсуждал с профессором С.Радхакришнаном и Дж. Неру.

Дж. Неру был хорошо знаком с семьёй Рерихов. В 1942 году он с дочерью Индирой посетил их имение в Кулу, где гостил целую неделю.

Продвижение Пакта позволило С.Н. Рериху сблизиться с индийской культурной и общественной элитой.

В 1956 году по просьбе правительства штата Майсур он принял участие в приеме главы СССР Н.С. Хрущева. В 1957 году вернулся на родину Ю.Н. Рерих, который помимо научной работы в Институте востоковедения АН СССР начал вести большую культурно-общественную работу по продвижению в СССР искусства своего отца, а также пропагандируя миротворческие идеи. Он обращается с воззванием «Пусть востоковедение служит делу миру» к конгрессу востоковедов в Москве («Современный Восток». 1960. №7, с.7-8).

С.Н. Рерих пишет портреты Дж.Неру, С. Радхакришнана, И. Ганди, которые и поныне размещаются в Центральном зале индийского парламента.

С 1960 года С.Н. Рерих курсирует между Индией и СССР, проводит в обеих странах многочисленные выставки, читает просветительские лекции, встречается с общественностью и политическими лидерами.

Его выставки в Индии посещают Дж.Неру, С. Радхакришнан, Раджендра Прасад и другие высокопоставленные политики.

А на выставки в СССР приходят члены ЦК КПСС А.Б. Аристов, Л.И. Брежнев, Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, Н.А. Мухитдинов, Д.С. Полянский, Е.А. Фурцева, Н.С. Хрущев, Н.М. Шверник, П.Н. Поспелов. В 1977 году председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин посетил индийское имение Рерихов.

Продвижение дружбы и мира между народами С.Н. Рерих осуществляет через искусство, как универсальный язык культуры. Он пишет серию картин с индийскими сюжетами для показа

их советским зрителям. В 1961 году С.Н. Рерих был назначен постоянным представителем правительства в Индийской национальной Академии изящных искусств.

В 1973 году в Дели он встречается с Л.И. Брежневым, с которым ведет переговоры о проведении в СССР культурных мероприятий, посвященных Индии.

В 1974 году С.Н. Рерих принимает активное участие в организации в СССР чествования 100-летнего юбилея Н.К. Рериха, которое прошло на высоком государственном уровне.

В Индии же он продолжает усиленно трудиться на культурном поприще. В 1979 году С.Н. Рерих покупает землю в Бангалоре, чтобы построить культурно-просветительский центр искусств. Далее он курирует его строительство и после становится его руководителем.

Также с 1977 года С.Н. Рерих курирует и оказывает поддержку школе им. Ауробиндо Гхоша в Бангалоре.

В СССР в 1981 году он проводит переговоры с руководителями АН СССР о возобновлении деятельности Института Гималайских исследований.

В мае 1987 года С.Н. Рерих встречается с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, с которым обсуждает развитие культурных проектов, направленных на укрепление советско-индийских отношений. Уже в конце 1987 года состоялось открытие Фестиваля советско-индийской дружбы в Дели и Бангалоре. Проходит обмен культурными делегациями, выбираются города-побратимы с индийской и советской стороны. У себя в имении С.Н. Рерих принял более 57 групп советских артистов и деятелей культуры.

За заслуги в развитии сотрудничества между Индией и СССР в 1975 году Карнатакская Академия художеств, Индийский институт мировой культуры, Индо-советская культурная ассоциация чествуют Рериха как посланца мира и дружбы между народами Индии и СССР. А в 1976 году ему присуждается Международная премия им. Дж. Неру за развитие сотрудничества между Индией и СССР и укрепление индо-советской дружбы.

В СССР также отметили заслуги С.Н. Рериха в деле укрепления дружбы между народами СССР и Индии. В 1984 году ему присуждается орден Дружбы народов.

Наследие С.Н. Рериха, а также его родителей и старшего брата, в деле укрепления дружеских индо-русских отношений не может исчезнуть без следа. Незримыми нитями оно навек спаяло великие народы России и Индии в дружбе и сотрудничестве, которые не только были проявлены в прошлом, но и продолжают, может быть, в другом виде, действовать во славу как народов этих стран, так и всего мира.

Щербак М.Б.

Кастовый вопрос в политике Индии (М. К. Ганди, Б.Р. Амбедкар, Дж. Неру)

Социальная идентичность в современной Индии имеет сложную структуру, включающую, помимо этнического и конфессионального компонентов, кастовую принадлежность. Кастовая система продемонстрировала устойчивость и способность приспосабливаться к социальным, политическим и экономическим изменениям. Крайним

проявлением кастовой дифференциации является наличие групп, находящихся за пределами кастовой системы и называемых «неприкасаемыми» или «далитами». Представители данных групп традиционно занимались самым грязным (уборка отхожих мест, подметание улиц, уборка трупов животных) и непрестижным ручным трудом (изготовлением обуви, плетение циновок, стиркой белья) за что подвергались дискриминации со стороны представителей более высоких каст.

Наиболее остро кастовый вопрос встал в период обретения Индией независимости. В ходе национально-освободительной борьбы лидеры движения за независимость Индии неоднократно обращались к теме неприкасаемости как социальному и религиозному пережитку. Консолидация всего народа, даже самых маргинальных его слоев, должна была стать залогом успешной политики нациестроительства. Даже сам термин «неприкасаемый» казался несостоятельным и подлежал замене. Однако видные деятели эпохи: М.К. Ганди, Б.Р. Амбедкар и Дж. Неру видели решение кастового вопроса по-разному. Так Махатма Ганди называл представителей маргинальных групп «хариджанами» («божьими детьми»), делая акцент на политике «ненасилия», он допускал неприкасаемых в свои ашрамы, пытаясь таким образом интегрировать их в новое общество. Первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру видел успешность интеграции низших каст, племен и так называемых отсталых классов (SC, ST, OBC) в нивелировании различий между «жителями гор» и «жителями равнин». Б.Р. Амбедкар – автор Конституции Индии борец за права неприкасаемых, видел причину феномена кастовой дискриминации в религиозном аспекте жизни индийского общества. Таким образом, решение проблемы, согласно Амбедкару, должно было лежать прежде всего в реформировании религии, породившей кастовую систему, а сама каста должна быть «аннигилирована». Только конструирование новой социальной идентичности посредством религиозной конверсии могло, по мнению Амбедкара исключить далитов из порочного круга кастовой системы.

В докладе рассматриваются три подхода, предложенные «отцами нации» для решения кастового вопроса в их исторической динамике и современной перспективе.

Юрлов Ф. Н.

Роль Джавахарлала Неру в независимой Индии

Джавахарлал Неру был центральной политической фигурой Индии в первые 17 лет ее независимости. После завоевания независимости в 1947 году возник вопрос о главных путях развития страны. Идеи Неру и его деятельность на посту премьер-министра сыграли ключевую роль в сложнейший период перехода от колониального управления страной к строительству свободной Индии. Заложенные им фундаментальные принципы демократии, секуляризма, социальной справедливости легли в основу развития Индии на последующие десятилетия.

При Неру Индия вела поиски путей развития во многом на основе собственных исторических традиций, исходя из традиционных особенностей индийского общества.

Приверженность Неру социально-демократическим идеалам сочеталась с эволюционным развитием Индии, без крупных социальных потрясений, которые могли бы подорвать политическую стабильность и единство страны.

Он придерживался мнения, что Индия будет продвигаться вперед «по особому пути демократии с большой долей социализма» – не доктринарного социализма, а практического, прагматического социализма, который будет соответствовать индийским идеалам и индийским запросам.

За годы пребывания Неру у власти Индия осуществила прорыв в индустриализации и развитии базовой инфраструктуры. В аграрной сфере достижения были значительно более скромными, хотя и удалось, в основном, избавиться от перманентной угрозы голода, связанного с нехваткой продовольствия.

К началу XXI в. Индия добилась заметных достижений. По объему экономики она вошла в пятерку первых стран мира (по паритету покупательной способности). Немалые успехи были достигнуты в области, образования, науки, в развитии высоких технологий. На международной арене Индия заняла достойное место среди всех стран. К ее голосу прислушиваются во всем мире. В этом есть и немалая заслуга Джавахарлала Неру. Вместе с тем и после 75 лет независимости в Индии остаются далеко не полностью реализованными те задачи, которые он поставил в своей речи в первый день независимости страны.

Неру говорил, что будущее Индии будет нелегким, что служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают от нищеты и невежества, болезней и неравенства возможностей.

Было бы ошибкой видеть в Неру какого-то пророка, идеализировать его. Он действовал в сложнейшей обстановке как внутри страны, так и за ее пределами. Отсюда неизбежные ошибки и просчеты. Но главный вектор развития Индии, который задал Неру, оставался в своей основе неизменным, несмотря на отходы и отступления от его политической линии в последующие годы. В этом смысле наследие Неру до сих пор остается востребованным.

Юрлова Е.С.

Амбедкар и далиты в центре внимания политической жизни Индии

Новое обращение к Амбедкару и далитам было связано с выборами в законодательные собрания ряда штатов Индии, особенно Уттар-Прадеш (200 млн человек) в апреле 2022 г. Выборы подтвердили, что далиты играют большую, даже критическую роль в расстановке политических сил. Это касается не только этих штатов, но и Индии в целом, где далиты составляют около 20 % населения.

Это послужило тому, что почти все политические партии и лидеры Индии выступили с признанием огромного вклада Амбедкара в идеологическую и политическую жизнь Индии, в создание конституции страны.

В этой связи премьер-министр Индии Нарендра Моди заявил: «Мысли Бабасахеба (Амбедкара) о благополучии униженных и угнетенных слоев населения стали вдохновляющим началом для нашего правительства».

Все это объясняется тем, что Амбедкар был и остается духовным лидером далитов, которые считают его своим вождем. Сегодня его имя используется разными политическими силами для привлечения на свою сторону миллионных масс далитов.

